

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

Вперёд к Великому океану - 6: люди, история, идеология, образование Путь к себе

Этот текст и другие доклады можно
скачать на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,
если явно не указано иное.

ISBN 978-5-906757-76-0

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2018

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Доклад необычен по методу подготовки. Он вырабатывался не как обычно в Москве, а в тесном взаимодействии с учёными и общественными деятелями Дальнего Востока. Его ведущий автор — профессор Тихоокеанского государственного университета Л.Е. Бляхер, который работал над ним совместно с московскими коллегами. Промежуточный вариант доклада был предметом ситуационного анализа, в котором приняли участие востоковеды, учёные–международники и философы из ряда городов Сибири и Дальнего Востока, Санкт-Петербурга и Москвы. Авторы широко использовали их идеи, мысли, критические замечания и считают их своими соавторами.

Международный дискуссионный клуб «Валдай» и авторы доклада признательны участникам ситуационного анализа за их всесторонний вклад в исследование темы:

Белобородов Борис Леонидович

Доцент кафедры китаеведения Амурского государственного университета, председатель Амурского отделения «ОПОРА России»

Бляхер Леонид Ефимович

Заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета

Бордачёв Тимофей Вячеславович

Директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Васильев Юрий Михайлович

Специальный корреспондент издания «Взгляд.ру»

Григоричев Константин Вадимович

Проректор по науке и международной деятельности Иркутского государственного университета

Дружинин Александр Игоревич

Учёный секретарь проекта, стажёр-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Караганов Сергей Александрович

Декан Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Каспэ Святослав Игоревич

Профессор департамента политических наук НИУ ВШЭ

Левинताल Александр Борисович

Губернатор Еврейской автономной области, доктор экономических наук

Лихачёва Анастасия Борисовна

Заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Ломанов Александр Владимирович

Главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН

Маслов Алексей Александрович

Руководитель Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Межуев Борис Вадимович

Главный редактор сайта «Политаналитика», доцент Философского факультета МГУ им. Ломоносова, председатель редакционного совета сайта «Русская идея»

Михалёв Максим Сергеевич

Руководитель направления Восточная Азия Центра изучения кризисного общества (Центеро)

Слуцкий Леонид Эдуардович

Председатель Комитета по международным делам Государственной думы РФ

Суханов Виктор Андреевич

Председатель Приморского отделения Союза журналистов России

Уржумцева Татьяна Борисовна

Руководитель Научно-образовательного центра исследования социально-экономических проблем стран АТР Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Шапигузов Сергей Михайлович

Управляющий партнёр аудиторско-консалтинговой компании ФБК («Грант Тортон»)

Широков Роман Валерьевич

Контр-адмирал Тихоокеанского флота ВМФ России

Шупер Вячеслав Александрович

Ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Энтина Екатерина Геннадьевна

Заместитель декана Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Авторы также выражают искреннюю благодарность крупному российскому востоковеду, профессору Института изучения Европы Тамканского университета (Тайвань) **Владимиру Вячеславовичу Малявину** и видному российскому историку и философу, профессору Европейского университета в Санкт-Петербурге **Алексю Ильичу Миллеру** за присланные ими письменные отзывы.

Авторов идей было много, но ответственность за окончательный текст, в том числе его недочёты, несёт только ответственный редактор.

Об авторах

Караганов Сергей Александрович

Ответственный редактор и руководитель проекта

Бордачёв Тимофей Вячеславович

Заместитель ответственного редактора

Авторский коллектив:

Бляхер Леонид Ефимович

Ведущий автор, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета

Бордачёв Тимофей Вячеславович

Кандидат политических наук, директор Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Дружинин Александр Игоревич

Учёный секретарь проекта, стажёр-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Караганов Сергей Александрович

Доктор исторических наук, декан Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», почётный председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП)

Содержание

5	Введение. Краткое изложение
9	Что сделано
19	О новом этапе российского поворота на Восток
22	В чём цель поворота
29	Россия как «место сборки» Большой Евразии
37	О мифах, фобиях и переводе Азии на русский язык
46	Что нужно делать №1. Дальний Восток и не только
54	Что нужно делать №2. Поворот на Восток для всей России: узнать Азию
61	Подведение итогов

Введение. Краткое изложение

Шестой доклад из серии «К Великому океану» отличается от предыдущих. В первых речь шла об обосновании целесообразности и выгоды движения России на Восток преимущественно с экономической, транспортной, геостратегической точек зрения — предлагались решения именно в этих сферах. Один из докладов был посвящён концепции Большого евразийского партнёрства от Лиссабона до Джакарты, Шанхая или Токио¹. Этот доклад — о людях, истории, идеологии и образовании, об идейных, «медийных» и духовных аспектах российского движения на Восток.

Первый этап российского поворота к поднимающейся Азии успешен — Дальний Восток развивается более чем в два раза быстрее, чем страна в целом (хотя это ещё не много). Открываются десятки крупных предприятий. Но очевиднее стало ограничение, о котором раньше особенно не задумывались. Развитие Восточной России пока не стало общим и понятным делом для всей страны, которой больших проектов остро не хватает. Не поверили в него по-настоящему и многие жители Дальнего Востока. Отток населения сократился, но не прекратился. На повестке дня необходимость качественно иного вовлечения в этот процесс жителей «русской Азии» — Дальнего Востока и Сибири, уже многие века тесно взаимодействующих с соседями, знающих и чувствующих их. Необходимо и изменение общего отношения к повороту, понимание, что он ведёт страну к экономическим, технологическим и культурным рынкам будущего.

С XVI–XVII вв. Европа была почти единственным источником передовых технологий и капитала. Теперь главный источник потенциального роста быстро перемещается в Азию. Туда же стремительно смещается и условный центр глобальной экономической активности. Если лет 40 назад он был где-то в Атлантическом океане, западнее Ирландии, то сейчас он в Турции, а ещё лет через 10 будет на границе Индии и Китая. Не исключено,

¹ Данная тематика подробно освещалась в докладах «К Великому океану», выпущенных в 2012–2018 гг., в частности «К Великому океану–5: От поворота на Восток к Большой Евразии» (2017).

что в 2014 г. была остановлена не только грозившая большой войной экспансия западных союзов, но и был достигнут предел петровского периода русской истории. С Европой предстоит соседствовать, по возможности дружить, заимствовать то, что ещё интересно и нужно для развития, но вряд ли она останется маяком для России. Поворот страны к Европе, её технологиям в XVII–XVIII вв. был логичен: Азия была далеко, да и вступала в период относительного упадка, в том числе из-за начала колониальной экспансии лучше вооружённой Европы. Теперь ситуация меняется. Именно Азия будет становиться важнейшим внешним источником капиталов, передовых технологий.

В России не осознают, что наша страна сыграла в подъёме Азии и других «новых» роль повивальной бабки истории. Именно Россия/СССР лишила Запад почти пятисотлетнего военного превосходства, на котором с XVI–XVII вв. строилось его экономическое, политическое и культурное господство. Из-за созданного и сохранённого ядерного равновесия никто в мире больше не может выиграть крупных войн. Он стал свободнее, демократичнее, а азиатские страны и народы получили возможность использовать свои конкурентные преимущества. Мы идём к Востоку не с пустыми руками. Предоставляем не только ресурсы, транспортные возможности, но и роль крупнейшего поставщика безопасности. Но главное — появляется возможность наладить, не отрываясь от Европы, тесное взаимодействие с Азией, став центром предложенного Москвой и поддержанного Пекином большого евразийского партнёрства, на девяносто процентов совпадающего с китайской концепцией «Один пояс, один путь».

Проблем на пути к созданию Большой Евразии остаётся немало. И поиску решения одной группы таких проблем посвящён этот доклад. Поворот на Восток начинает упираться в идейно-психологические, культурные ограничения. Именно на их преодолении и стоит сосредоточиться в ближайшие годы. Для жителей русского Востока поворот ещё не стал «своим». Он был привнесён Москвой — спасибо ей. Но он не вселил пока в дальневосточников необходимый для большого дела и исторически присущий им больше даже, чем остальным россиянам, кураж. (Впрочем, отсутствием нацеленности на большие свершения, на русскую лихость страдает вся российская политика.) Не задействован в полной мере опыт и потенциал местных в общении с Китаем и другими соседями.

Не менее важная задача для продолжения российского движения к новым восточным рубежам — возвращение истории Сибири и Дальнего Востока, блестящей и увлекательной, в историческое самосознание всей России: и для самоутверждения сибиряков, и для преодоления отношения части россиян к Сибири и Дальнему Востоку как к чему-то другому. Иногда нас спрашивают, почему надо вкладываться не, скажем, в Русский Север, а в первую очередь в Дальний Восток. Потому что уже на протяжении 4–5 веков это — русская земля. Потому что там великолепная природа, гигантские ресурсы и главное — несравнимые

с другими регионами возможности развития из-за быстро растущих соседей. Там у страны впервые в истории появились конкурентные преимущества, которые можно использовать для убыстрённого развития. Нужно и преодолевать обиду сибиряков, которые в 1990-е гг. были брошены даже сильнее, чем остальные россияне.

Развивая человеческий капитал сибиряков и дальневосточников, нужно не только помогать осваивать новые технологии, но и морально вдохновлять их, давать возможность почувствовать себя вновь первопроходцами, лидерами, ведущими всю Россию к новым экономическим, политическим и духовным горизонтам — теперь уже евразийским. При этом люди русской культуры с её открытостью, веротерпимостью имеют мощное конкурентное преимущество для того, чтобы стать центральным элементом нового евразийского мегапроекта.

Нужна и систематическая спокойная работа по преодолению регрессивного в новом мире евроцентризма значительной части российских элит, обострённого в годы развала 1990-х и хаотичного восстановления 2000-х гг. вывозом богатыми россиянами средств, прежде всего в Европу, с неизбежным усилением среди них компрадорских настроений. Российскому обществу нельзя отказываться от своей по преимуществу европейской культуры. Но нужно и перестать бояться и тем более стыдиться своей «азиатскости». Вспомним, что по менталитету большинства общества, его отношению к власти Россия, как и Китай, и многие другие государства Азии — наследники империи Чингисхана. Надо просто не заламывать по этому поводу руки, не презирать свой народ, что делает часть интеллигенции, а принять как данность и использовать как конкурентное преимущество. Тем более что в жёстком соперничестве современного мира авторитарный тип власти — при рыночной экономике и равенстве военных возможностей — видимо, эффективнее современной демократии. Это и беспокоит западных партнёров. Другое дело, что авторитаризм, как и демократия, может вести и к застою, и к деградации. И такая опасность перед Россией стоит.

Через несколько лет мы поймём, что мы не являемся больше восточной периферией, медленно уходящей в прошлое, хотя и близкой большинству Европы; что, идя к Азии, к новому богатству, силе и прогрессу, мы возвращаемся к себе домой; что, взяв у Европы высокую культуру и обогатив её, взяв военную организацию и став великой державой, мы теперь занимаем своё собственное цивилизационное место великой евроазиатской державы — оригинального и самостоятельного сплава многих цивилизаций. *Мы становимся самими собой, возвращаемся домой.* Именно этот тезис является главным в этом докладе.

Мы ещё очень плохо знаем Азию — континент возрождающихся и поднимающихся культур, цивилизаций, технологий. Уже сейчас и срочно нужно вводить расширенные курсы изучения азиатской истории и языков в школьные программы, массово готовить востоковедов в университетах. В любом случае через пару десятков лет написанный

преимущественно европейцами курс истории человечества сменится. И блистательная Византия, которую наследники крестоносцев сделали воплощением интриг и неэффективности, предстанет в своём истинном облике — великолепной цивилизацией, сохранившей и развившей во времена тёмного средневековья европейскую культуру, соединив её с восточной. А китайские, индийские, японские или корейские династии займут такое же место, что и Плантагенеты, Габсбурги, Бурбоны, Стюарты или Романовы.

Важно, чтобы мы, русские, стали первыми европейцами в Азии, и даже первыми азиатами в Европе — сыграли присущую нам роль цивилизационного, а не только транспортного моста. Пора, используя опыт дальневосточников, веками весьма тесно и в целом дружески общавшихся с китайцами и другими соседями, избавляться от остатков мифа о «жёлтой угрозе», который нам когда-то навязали, а сейчас усердно подпитывают силы, боящиеся дальнейшей эмансипации России в отношениях с Западом. Нужно знать азиатскую историю и своё место в ней.

Частично очевидны инструменты усиления общероссийской и местной мотивации для убыстрения движения к наиболее многообещающим рынкам будущего: это и уже упомянутые обязательные школьные и университетские курсы по востоковедению, и серия фильмов и мультимедийных программ о блестящей и трудной истории Сибири, о её фее-рически отважных и упорных людях, о её великолепной природной красоте и богатстве. Разумеется, необходимо активное привлечение местных элит к развитию общероссийской политики в Азии. Массовое изучение, сколь угодно критическое, опыта азиатских стран. Необходимы и постоянно действующие клубы, объединяющие деловые и интеллектуальные элиты России и стран Азии. Нужна и внутренняя работа по взаимопереплетению центральной российской и сибирско-дальневосточной элит, чтобы первая лучше понимала нужды российской Азии, а вторая — чувствовала свою сопричастность к выработке и проведению в жизнь российской евразийской политики. Чем раньше Азия, в том числе русская, станет «своей», модной для максимального количества россиян, тем лучше будет для страны. Многообещающим будет и совместное с соседями по Азии изучение и сравнение систем ценностей россиян и азиатских народов.

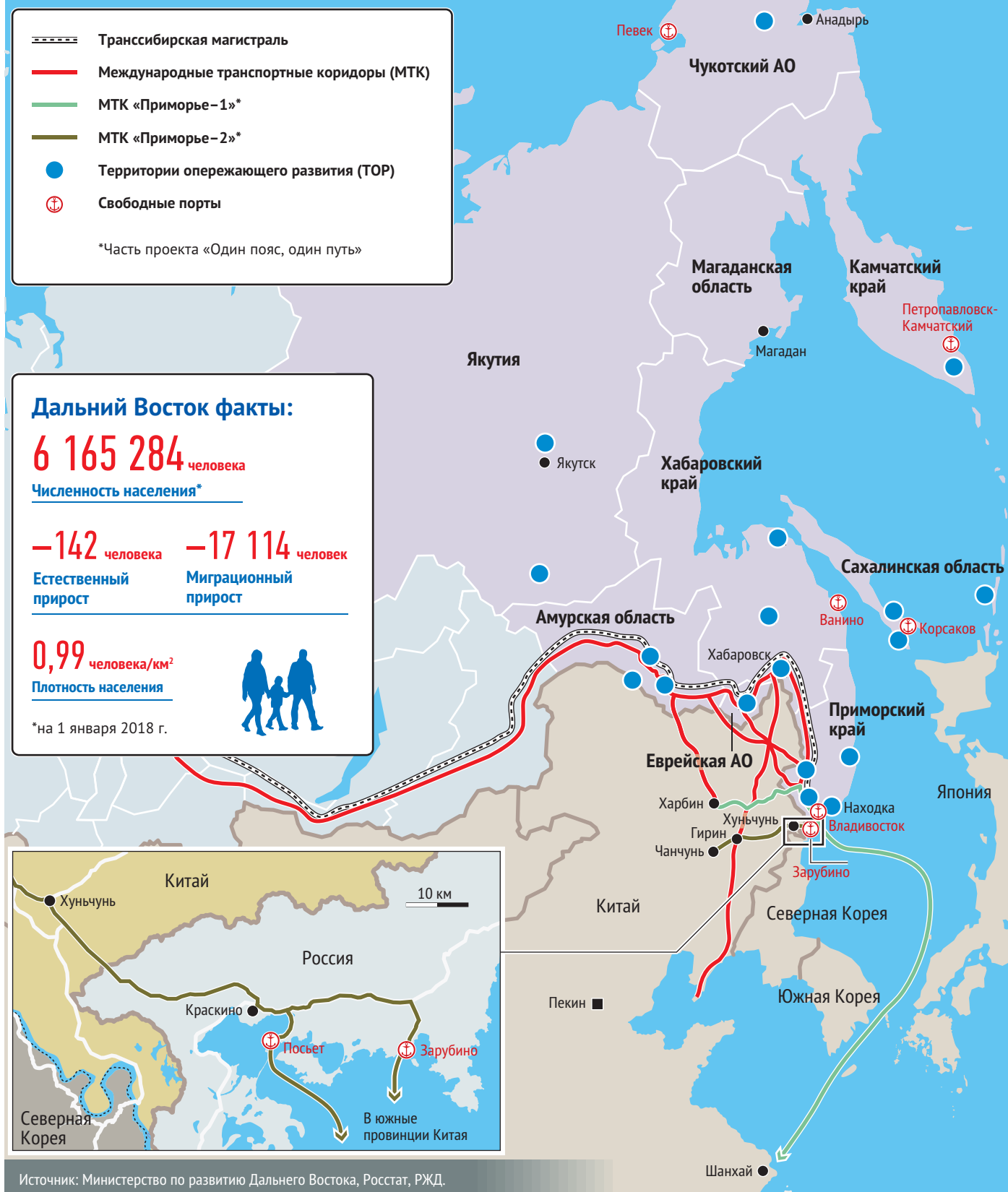
Что сделано

О повороте России на Восток говорят уже десятилетие — огромный период для новейшей истории нашей страны. Причём говорят разное. Кто-то увидел в повороте новый проект будущего России, кто-то осмыслил его как проект приоритетного развития Дальневосточного региона, кто-то просто посчитал его очередной кампанией, которая кроме фраз и публичных мероприятий ничего не содержит. Тем не менее, уже достаточно долгий срок идея поворота на Восток присутствует в общероссийском информационном пространстве, транслируется в СМИ, в выступлениях первых лиц государства. Есть продвижение этой идеи в сфере экономики, сложилась система управления, связанная с ней. Всё перечисленное (как и то, что осталось «за кадром») даёт основания для того, чтобы подвести некоторые *предварительные итоги*.

В последние десятилетия центр мировой хозяйственной жизни неотвратимо начал смещаться в Восточную Азию. Именно здесь сегодня располагаются крупнейшие производства, технологические центры, стремительно развивается система образования. В сторону Восточной Азии смещаются финансовые потоки и основные торговые площадки, строятся новые города, развивается сухопутная транспортная сеть, охватывающая сегодня всё новые страны и территории. Стремясь сохранить своё лидерство в мире и уровень потребления, страны теряющего силы «мирового центра» активнее используют неэкономические инструменты в экономической конкуренции, усиливают давление на своих союзников, партнёров, а также и в особенности на Россию и Китай. Соответственно, снижается полезность партнёрства с Западом в тех формах, в которых оно сложилось в последние десятилетия.

В большей части Азии ситуация иная. Здесь отсутствует или почти отсутствует идеологическое давление, а экономические отношения гораздо меньше «нагружены» сопутствующей политической составляющей. Здесь возникает возможность для диверсификации товарных потоков России, что сделает её позиции в мировой торговле (и не только торговле) гораздо более сильными, чем сегодня. Но ещё более значимо то, что, несмотря на столетия обращённости к Европе, существенная часть российской культуры, социальной и политической организации укоренена в Азии. Казалось бы, дальнейший поворот на Восток, к Азии, для России в этих условиях становится ещё более выгодным и насущным. Однако почти вся хозяйственная,

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ

транспортная, демографическая, да и идеологическая система в России в течение столетий была привязана к Европе. Восточная часть страны, несмотря на все её природные богатства, была слабо заселена, обладала недостаточно развитой транспортной системой и ещё менее развитой социальной инфраструктурой. И дело не только в географической удалённости. Просто для страны, смотревшей на Запад, видеть Сибирь и Дальний Восток можно было только затылком. «Входить» в пространство нового мирового центра России приходится относительно менее развитой территорией, преодолевая более чем трёхвековой евроцентризм.

Проблемы, с которыми столкнулось государство на своей восточной окраине при воплощении идеи поворота на Восток, появились не сегодня и даже не вчера. Они копились долгие десятилетия. Дальний Восток России развивался крайне односторонне, главным образом как военный форпост Российской империи и СССР, «крепость» на востоке страны. Наиболее значимая часть населения региона так или иначе была связана с работой на обороноспособность страны и прежде всего — её «восточной крепости». Военнослужащие и члены их семей, работники предприятий военно-промышленного комплекса, гражданские служащие министерства обороны составляли большую и наиболее статусную группу трудоспособного населения. Последнее создавало серьёзные проблемы в плане самообеспечения региона, который на протяжении всего советского периода нуждался в постоянных дотациях из западных областей страны. Как только дотации уменьшились, это и привело к массовому оттоку населения, продолжающемуся до сих пор. Вполне понятно, что взаимодействие «крепости» и прилегающей территории было минимальным и не особенно дружественным. Ведь именно от этого «окружения» и предполагалось защищать советские границы. Отсюда слабое развитие коммуникации между Дальним Востоком и странами Восточной Азии. Мешало и видение соседей не в качестве выгодных партнёров, а как потенциальных противников.

Статус «крепости» и военная модель хозяйства региона приводили к перекосам во внутрирегиональной транспортной системе. Она развивалась почти исключительно «вдоль стен крепости» — там, где угроза предполагалась особенно вероятной. Даже крупнейший порт региона, Владивосток, был в первую очередь «крепостью», базой Тихоокеанского флота, выполняя торговые функции как сопутствующие. Внутри «крепости», между территориями, связи были достаточно слабыми. Север и юг региона были практически оторваны друг от друга. Проект создания разветвлённой железнодорожной сети, которая связывала бы Дальний Восток воедино

© Юрий Смитюк/ТАСС

Пограничный наряд во время дозора на границе, Хасанский район Приморского края, 2017 год.

и формировала новые экономические районы на востоке России, — сложился в поздний советский период (Байкало-Амурская магистраль, БАМ), но так и не воплотился полностью. И транспортное, и хозяйственное освоение территории не было завершено.

Тем более не завершилось оно и в постсоветский период, когда оставленный на произвол судьбы регион был вынужден выживать, используя ресурс, наработанный в советский период: проложенные к лесным деланкам дороги, разведанные и разработанные месторождения полезных ископаемых, лесные, морские и речные биоресурсы. В поздние советские и первые постсоветские годы Дальний Восток воспринимался как отдалённая и не особенно нужная стране периферия, где господствует криминал, ощущается постоянное давление со стороны более благополучных соседей, горят леса и т.д. Словом, место, где ничего особенно хорошего нет. Не так важно сейчас, насколько это представление соответствовало действительности. Важно, что именно в таком виде существовал регион в информационном пространстве страны.

Но ситуация изменилась. Азия, в частности восточная её часть, которая ещё недавно воспринималась через призму отсталой «азиатчины», как угрожающее и сложное направление российской политики, становится пространством наиболее привлекательных и перспективных торговых, культурных и технологических контактов. Более очевидным становится и то, что дальнейшее сближение с условным Западом вступает в острое противоречие с важными принципами существования российской государственности, а Европа вошла в период относительной стагнации. Соответственно, меняется и концепция развития Дальнего Востока: от «региона-крепости» к *транзитному региону*, региону развития, воротам России в Азию. Из этой концепции и условий, в которых находилась дальневосточная часть нашего общего дома перед началом поворота, вытекают те задачи, которые в первую очередь стремилось решить государство в регионе. Обозначим направления, где успехи наиболее очевидны.

Создание на Дальнем Востоке торгово-производственных центров, «выходов» России в Азию. Проект формирования разветвлённой и эффективной транспортной системы на Дальнем Востоке России обретает второе дыхание. И не только он. На Дальнем Востоке реализуются масштабные мероприятия по превращению региона в гигантскую торговую и производственную площадку с удобными «выходами» в Восточную Азию, способную перетянуть на себя значительные торговые потоки со всего региона и производящую собственные востребованные товары, которые займут место на этих обширных рынках. Водоёмкая продукция, сельское хозяйство и водные биоресурсы, полезные ископаемые и лес, нефть и газ — всё это становится «визитной карточкой» региона в странах Восточной Азии. Но не только сырьё. Энергоёмкие, ресурсоёмкие и водоёмкие производства, металл, изделия из древесины и некоторые высокотехнологичные производства всё больше дополняют сырьевой спектр российского экспорта. О заинтересованности стран Восточной Азии и прежде всего Китая в российской продукции говорит уже готовность инвестировать в совместные разработки газовых месторождений и строительство заводов по производству сжиженного природного газа (СПГ) на Ямале. Первый поток СПГ пошёл на рынки Восточной Азии.

Азия, которая ещё недавно воспринималась через призму отсталой «азиатчины», становится пространством наиболее привлекательных и перспективных торговых, культурных и технологических контактов

Реализуются масштабные мероприятия по превращению региона в гигантскую торговую и производственную площадку с удобными «выходами» в Восточную Азию

Усиливается интерес к России со стороны деловых кругов Японии и Республики Корея. Уже сегодня обозначен интерес последней по инвестициям в логистику, судостроение, строительство и туризм на российском Дальнем Востоке.

Но для того чтобы Россия нашла свой путь к Азии, необходимы серьёзные структурные изменения на восточной окраине России. Это и происходит сегодня. Реконструируется город Владивосток, расширяется портовая инфраструктура большей части гаваней региона: от Находки до Петропавловска-Камчатского. В этом же направлении будет работать логистический узел в районе острова Большой Уссурийский (Хабаровск). В контексте этого движения необходимо оценивать важность строительства мостов через реку Амур, развитие сети автомобильных дорог, реконструкцию (расширение пропускной способности) Транссибирской железнодорожной магистрали (Транссиб), строительство трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан».

Здесь же и распространение режима свободного порта на Петропавловск-Камчатский, строительство контейнерного терминала на Камчатке, и многое другое. На интенсификацию этого процесса направлено также создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР) с особым правовым и административным статусом, выравнивающим условия для инвестирования с другими странами Азии. Можно констатировать, что процесс превращения южной части Дальнего Востока и его прибрежных территорий в торговое и производственное пространство продвигается достаточно успешно. Уже сегодня в регионе созданы особые условия для инвестирования и эффективные формы сопровождения инвестиционных проектов, существенно сокращающие сроки прохождения формальных процедур и ускоряющие отдачу от вложений. К настоящему времени в региональные проекты фактически вложено 76 миллиардов рублей частных инвестиций. Подписаны соглашения об инвестировании более 2 триллионов рублей.

Развитие логистики в северной (ресурсной) части Дальнего Востока.

Значимые проекты реализуются и в северной части Дальнего Востока, где сосредоточены наиболее крупные месторождения драгоценных, цветных и редкоземельных металлов, лесные массивы. Эта территория в рамках проекта развивается в качестве *«ресурсного региона»*, поставщика уникальных продуктов на мировой рынок. До самого последнего времени добыча

*Пункт управления горно-обогатительного комбината «Денисовский»,
ТОР «Южная Якутия», 2018 год.*

и включение в хозяйственный оборот всех этих природных кладовых сдерживались отсутствием удобной логистики, проблемами с завозом всего необходимого для функционирования приисков и горно-обогатительных комбинатов, доставки леса до мест его переработки. Ситуация начинает меняться.

Продвигается на север железнодорожная магистраль. Сегодня она уже приближается к Якутску. В перспективе — её продолжение к месторождениям драгоценных металлов и камней, что на порядки снизит себестоимость добычи. Планируется качественная реконструкция федеральных автодорог «Лена» и «Колыма» (они пока функционируют ограниченное время в году), строительство мостов, которые заменят прежние паромы и ледовые переправы на этих трассах. Планируемые и отчасти осуществляемые действия по развитию Северного морского пути, — который не только станет самым

коротким путём из Азии в Европу, но и даст импульс развитию Русского Севера, — тоже связаны с этим направлением.

Без всех этих новаций себестоимость добычи богатств, которые хранят в себе северные районы Дальнего Востока, будет оставаться чрезмерно высокой, а их добыча — осуществляться на пределе рентабельности или за ним. Безусловно, отдача от этих гигантских вложений наступит не завтра и даже не через год. Но это инвестиции в будущее — будущее России. И каждый проложенный и реконструированный километр пути создаёт новые возможности для частного инвестирования, новые перспективы развития хозяйства дальневосточного севера.

Выработка и оформление инструментов развития региона. Важно и то, что сложились инструменты развития Дальнего Востока. Очевидно, что и модель ТОР, и модель свободного порта, а особенно практика реализации этих моделей могут и должны совершенствоваться. Но сама идея и модель создания режима наибольшего благоприятствования для бизнеса, избавления его от мелочной опеки — более чем здравая. Реализуемые в её рамках проекты являются доказательством этого. Уже сегодня в 18 ТОРах региона работают 210 «якорных» резидентов, вложивших средства и, частично, начавших получать прибыль. Само число проектов, приближающееся к 1000 (969), подтверждает это. И если на первом этапе ожидалось европейские и американские инвестиции, то сегодня они заменяются инвестициями из России и стран Восточной Азии. На каждый государственный рубль в этих проектах приходится 8 рублей частных инвестиций.

Однако если реконструкция и строительство дорожной сети, развитие портового хозяйства и сооружение новых терминалов дают отдачу в среднесрочной перспективе, то многие инициативы, реализуемые в рамках ТОР, дают эффект уже сегодня в виде увеличения сельскохозяйственной и иной продукции, создания новых рабочих мест, совершенствования социальной среды и т.д. В настоящее время Дальний Восток России демонстрирует превышение основных общероссийских экономических показателей роста в области промышленности в 2 раза, сельского хозяйства — в 4 раза, по темпам инвестирования — в 4 раза.

Формирование системы управления. Крайне значимо и то обстоятельство, что за эти годы сформировалась *система управления*, ориентированная на ускоренное развитие региона: полпред вице-премьер, Министерство

Вид на Владивосток и мост через бухту Золотой Рог, 2017 год.

по развитию Дальнего Востока, корпорации по развитию региона и субъектов федерации. Хотя они и возникли в разные периоды и по разным причинам, но сегодня превращаются в целостную систему, осуществляющую интеграцию всероссийской и региональной систем управления.

Проблем много. Некоторые из них надуманные. Слишком долго Дальний Восток оставался для большей части страны terra incognita, описываемой мифами. Одним из наиболее устойчивых представлений была необходимость привлечения в регион массы нового населения. Однако стремление любой ценой массово заселить регион в условиях, когда даже имеющиеся трудовые ресурсы задействованы далеко не полностью, выглядит не до конца продуманным. Ведь одним из основных

**Первый этап
поворота России
на Восток завершается:
политическое видение
необходимости поворота
высказано, направление
развития задано,
экономические потоки
направлены**

мотивов, которые указываются потенциальными эмигрантами из региона при опросах, выступает отсутствие возможности трудоустройства. Даже при плановых расчётах не фигурирует необходимая численность работников в регионе. В отсутствие этих цифр зыбким оказывается и представление о том, что дальневосточников «много» или «мало». И первое, и второе утверждение предполагает наличие ответа на вопрос: а сколько нужно. Такого ответа пока нет. Возможно, миф о «катастрофическом обезлюдении» региона оказался настолько мощным, что оттеснил анализ на периферию. Сказанное, разумеется, не означает отвержения необходимости привлечения качественного человеческого капитала туда, где его явно не хватает — на новые стройки производства.

В целом же можно уверенно утверждать, что первый этап поворота России на Восток завершается. Политическое видение необходимости поворота высказано вполне недвусмысленно, направление развития задано, экономические потоки направлены. Россия выдвинула своей целью активное участие в строительстве объективно создающейся новой геоэкономической, геополитической, культурной и идеологической общности — партнёрства Большой Евразии. В отличие от старого российского евразийства, концепция Большой Евразии не нацелена против Европы или Запада и предусматривает, что пространство будет включать и Европу Европейского союза (или большую её часть). А Россия, наконец, обретёт комфортное место в истории и географии как великая евроазиатская держава. Учитывая нарастающую тенденцию к регионализации мира, Большая Евразия будет, весьма вероятно, одним из ведущих центров. Другим предположительно станет условная Большая Америка².

Всё яснее ощущается необходимость перехода к новому этапу реализации поворота России на Восток. Да, Дальний Восток — медленно, но верно — трансформируется из далёкой и не вполне развитой окраины в наиболее интенсивно развивающийся регион. Но при этом всё более понятно, что к процессу поворота на Восток должна подключиться вся страна, а не только один регион. И поворот на Восток должен стать в полной мере «своим» для главных его субъектов — жит елей Дальнего Востока. В противном случае процесс может застопориться.

² Концепцию Большой Евразии мы описываем, в частности, в предыдущем докладе «К Великому Океану-5» (2017).

О новом этапе российского поворота на Восток

В настоящее время мы подходим к психологически и политически сложнейшему этапу российского мегапроекта «поворот на Восток». Сильнее проявляется противоречие между объективной заинтересованностью нашей страны в выстраивании тесных партнёрских отношений с государствами Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии в самых разных областях и непониманием или раздражением относительно процесса интеграции России в Азию со стороны жителей западных (и не только западных) территорий страны. Не стал проект «своим» и для многих жителей самого Дальнего Востока.

Сегодня в прессе, в блогосфере, особенно той её части, которая связана с европейскими регионами России, нередко в отношении идеи поворота на Восток и развития дальневосточных территорий встречаются такие эпитеты, как «дорога в пустоту», «мост в никуда», «закапывание денег» и т.д. Соппротивление во многом культурно обусловлено. Азию в России не знают, а не зная — боятся. Она до сих пор многими воспринимается отсталой, деспотической, ограниченной. Часть интеллигенции ведёт бой за сохранение «европейского пути», даже при демонстрации его неэффективности при инертности на данном этапе. Соппротивление носит и чисто идеологический характер. Российские западники не хотят отказываться от привычных взглядов и стереотипов, хотя они и устарели. До сих пор не осознан масштаб экономического, политического и технологического сдвига к Азии. Но проблема не столько в ангажированности или невежестве, сколько в непонимании (намеренном или нет) смысла проекта поворота на Восток.

Дело, в частности, в том, что одной из задач, которые решались на предварительном этапе поворота на Восток, было изменение имиджа региона. И проект «Дальневосточный гектар», и дни Дальнего Востока в Москве, и создание ТОРов дали эффект по трансформации образа «заброшенного» Дальнего Востока. Но одновременно они сыграли и негативную роль. Население страны, да и самого Дальнего Востока не успело перейти от образа «заброшенного региона» к его новому облику. Невозможность совместить два эти образа порождает раздражение.

Были и другие факторы, приводящие к неадекватному восприятию идеи поворота на Восток. До самого последнего времени она проявляла себя как концепция приоритетного развития Дальнего Востока России. Иными словами, *всероссийский* проект и выбор будущего пути России воспринимается большинством, за исключением небольшого числа экспертов и руководства страны, в качестве проекта локального, *регионального*. Руководство страны, объявив о повороте и даже приняв соответствующее решение, не озвучило его философии, что сразу же вызвало множество вопросов.

Безусловно хорошо, что Владивосток реконструировали к саммиту АТЭС (именно так это воспринималось). Но нужна ли столь фундаментальная реконструкция к одному, пусть и значимому, мероприятию? И почему Владивосток, а не десятки других городов, расположенных «поближе»? Разве они не нуждаются в реконструкции? Не вполне понятными выглядели и усилия по реконструкции Транссиба, ведь пока и имеющиеся мощности загружены не полностью и только «в одну сторону». Не вызывало восторга строительство дороги до Якутска и далее — ведь там ничего нет. Грузов, которые сегодня следуют по этому маршруту, так мало, что РЖД вынуждены были вводить особые тарифы, чтобы хоть как-то вывести дорогу на самоокупаемость. Зачем же тратить такие деньги? Непонимание порождает раздражение, поиски «личной выгоды», обвинения инициаторов проектов во всех смертных грехах. Множество вопросов у жителей большей части страны вызывало и особое положение региона в целом: преференции, которыми, как им казалось, незаслуженно стали пользоваться жители Дальнего Востока. В самом деле, почему Дальний Восток, а не, скажем, Русский Север?

Недовольство и непонимание выказывали не только представители населения западной части страны, но и региональные элиты. Да и на федеральном уровне понимание возникало не всегда и не во всём. Соппротивление элит, о котором говорилось вначале, не исчезает. Ожидание того, что эта непонятная кампания закончится, как заканчивались программы развития Дальнего Востока в предшествующий период, буквально пронизывает политический, журналистский, да и повседневный дискурс.

Непонимание, если не раздражение, вызывает и проект развития Дальнего Востока у жителей остальной Сибири — исторически, человечески и коммуникационно единого региона. И под этим непониманием есть объективная основа: поворот на Восток через ускоренное развитие планировался 10–12 лет назад для всей Сибири. Потом по бюрократическим соображениям регион оказался частично разорван. Между тем в центральной Сибири

сосредоточен мощнейший интеллектуальный, научный и производственный потенциал, едва ли не лучший человеческий капитал страны. И регион страдает от удалённости от рынков. Рано или поздно нужно будет возвращаться к идее вхождения на новые рынки, к новым восточным рубежам не только Дальнего Востока, но и большей части Сибири.

Но парадоксальным образом обиженными, судя по опросам социологов, оказались и сами жители Дальнего Востока России. Здесь можно выделить несколько составляющих «обиды». Во-первых, «обида на Москву» — один из наиболее фундаментальных региональных стереотипов постсоветского периода. Самосознание региона как «крепости», защитника страны на восточном направлении, привело к соответствующему восприятию реалий «нового мышления» конца 1980-х гг. и «становления рыночных отношений» 1990-х гг. Восприятие было однозначным: Москва предала свою «крепость» и её гарнизон. Отзвуки этого настроения существуют, хоть и в ослабленном виде, и сегодня, затрудняя взаимодействие в системе центр — регион.

Во-вторых, в течение второй половины 1990-х гг. и начала XXI в. жители региона как-то адаптировались к новым условиям существования. Реализация значительного числа новаций на территории Дальнего Востока в большей или меньшей степени вырывает население из зоны комфорта. При этом каких-либо внятных объяснений, новой идеологии, способной примирить с неудобствами новых и непривычных форм деятельности, идеи, ради чего нужно менять и меняться — не транслируется. Идеей не обоснована выгода поворота на Восток для жителей региона и для всей страны. А ведь именно ощущение причастности к большому делу и в века «покорения Сибири», и в советское время позволяла дальневосточникам терпеть гораздо более серьёзные неудобства за счёт убеждённости в критической важности собственной деятельности.

В-третьих, активное имиджевое продвижение региона вовне в свете всего перечисленного выше вызывает, даже пусть и необоснованное, озлобление местных активистов, а за ними и значительной части жителей Дальнего Востока. Ведь самосознание дальневосточников в постсоветский период выстраивалось в виде представления о жизни-преодолении: сильных людей в невероятно сложных условиях. Образ «процветающего

**«Обида на Москву» —
один из наиболее
фундаментальных
региональных
стереотипов
постсоветского периода**

**Реализация
значительного числа
новаций на территории
Дальнего Востока
в большей или меньшей
степени вырывает
население из зоны
комфорта**

региона» наносит удар по региональной идентичности. Потому и заставляет фиксировать внимание исключительно на негативе. Не случайно столь популярен в регионе мем «лучше бы садик построили» — как реакция на любую инициативу, не дающую отдачи сегодня или завтра. Возникает убеждение в том, что развитие региона идёт в ущерб для его жителей. Часть местных просто боится конкуренции «пришлых». Это тем более опасно, что порождает настроения, способные замедлить реализацию проекта поворота на Восток. Кроме того, эти настроения активно транслируются и вовне, снижая интерес к сотрудничеству и к инвестициям со стороны соседей по региону.

Именно для того чтобы компенсировать и внешнее, и внутреннее непонимание необходим переход к новому этапу развития *всероссийского*, а не только *регионального* проекта поворота на Восток. Люди, элиты запада и востока России должны поверить в поворот, он должен стать для них «своим». И это понимание должно массово транслироваться вовне. Иначе Восточный экономический форум и прочие «road shows» (выездные мероприятия по продвижению какой-то идеи — *прим. ред.*) будут ограничено эффективны. Наконец, страна застоялась без большого проекта, который увлекает людей, делает их предприимчивее, сильнее, настойчивее. Именно образ будущего создаёт то напряжение, которое позволяет обществу двигаться вперёд. Это в первую очередь относится к городской молодёжи, знающей Европу, но не знающей Азии, очень часто не видящей перспективы и даже уезжающей за границу. Уезжает и молодёжь востока России — и в центр, и за рубеж, только уже преимущественно в Азию. И начать этот этап разумнее всего с того, чтобы проговорить, для себя и на национальном уровне оформить в некоторую более или менее целостную концепцию саму идею поворота.

В чём цель поворота

Поворот на Восток — это не региональный проект приоритетного развития Дальнего Востока. Это даже не столько проект диверсификации производства и торговых потоков страны, выхода на новые рынки, укрепляющего её экономические позиции. Хотя это очень важно. Поворот на Восток — это проект обретения Россией политической и цивилизационной субъектности, адекватной новому миру. Именно в этом ключе он должен восприниматься

и формулироваться. При этом речь идёт не только о словесном конструировании (хотя и это тоже очень важно), но о системе практических шагов, позволяющих нашей стране стать одним из центров нового структурирования мирового пространства, создания нового мирового порядка на месте разваливающегося старого.

Сама идея поворота на Восток связана со стремлением не столько вписать себя в чью-то модель, сколько *создать совместно с партнёрами собственный проект общего будущего* для гигантского континента Евразия. И условия для создания такого проекта сегодня благоприятны как никогда. Некоторый вакуум силы, возникший в Северо-Восточной Азии в связи с ослаблением интереса США к интеграционному проекту «Азиатско-Тихоокеанский регион» и переходом к сдерживанию Китая, привёл к положению, когда все значимые игроки этой части света в условиях выхода на поверхность внутрирегиональных противоречий с большей или меньшей интенсивностью *начинают искать сближения с Россией*, стремиться использовать её в своих интересах. Последнее позволяет России выстраивать сложную и многовекторную политику, отстаивая собственные интересы в Восточной Азии и Евразии вообще.

Но дело не только в благоприятной конъюнктуре, сложившейся сегодня на востоке азиатского континента. Речь идёт о гораздо более фундаментальных процессах — о двуединой природе российской государственности, российского общества, которая и предполагает наличие второй — азиатской — составляющей для возврата к своей подлинной природе. Россия на протяжении своей истории впитала в себя самые разные политические и культурные традиции. Это и влияние скандинавских воинских союзов, ощущающееся в особом почтении к воинской славе и ратному труду. Это и несомненное влияние Византии, проявившееся в принятии восточного варианта христианства, форм религиозной жизни. Гигантское влияние на становление политической системы России оказала Монгольская империя. Именно в ней сформировались специфические для России формы власти, её сакральный статус. Особенно важно отметить, что монгольская основа лежит в фундаменте политических традиций большей части стран Азии.

**Страна застоялась
без большого проекта,
который увлекает
людей, делает их
предприимчивее,
сильнее, настойчивее**

**Поворот на Восток —
это проект обретения
Россией политической
и цивилизационной
субъектности, адекватной
новому миру**

И Россия, и Китай, образно говоря, вышли из империи Чингисхана. Это и создаёт возможность для понимания культур, обществ, организации совместной деятельности. И если христианская основа российской культуры должна создавать (хотя сегодня не вполне создаёт) условия для диалога с христианской, но уходящей от христианства Европой, то монгольский субстрат становится основой для диалога в Азии.

Евразийская сущность России, её неизбежное пребывание в двух не всегда совпадающих и даже не всегда тесно связанных экономических, политических и идейных пространствах на протяжении всей истории российской государственности были и её проклятием, и её шансом. Проклятием потому, что гигантская, разная и разноголосая Россия никогда не могла полностью вписать себя ни в Восток, ни в Запад. Какая-то, подчас немалая, её часть всегда оставалась «другой», не включённой в общее движение. Но это ныне и великий шанс России, живущей в двух равновеликих мирах. Не одно столетие представители элиты нашей страны смотрели в одну сторону — в сторону Запада, пренебрегая азиатской Россией и Россией в Азии. Этот односторонний взгляд обрекал нашу страну на психологически и политически невыгодное положение догоняющей, ведомой. Но сегодня эта западная панорама становится всё менее перспективной, более туманной. Здесь и возникает вторая составляющая России — не европейской, а евразийской державы.

Один из наиболее тонких исследователей восточной части России генерал-губернатор Приамурья П.Ф. Унтербергер ещё в начале XX в. писал, что Приамурский край (так тогда именовались эти земли) являет собой стратегический резерв для страны. И речь идёт не только о природных богатствах этой земли. Дальний Восток, Сибирь — ворота России в новое, потрясающее в своём разнообразии и сложности, но притягательное пространство Азии. Важно понимать, что перемещение мирового центра к Востоку сегодня — явление *объективное*. Оно будет происходить вне зависимости от желания или нежелания той или иной группы политических деятелей, от той или иной внешней политики. Вопрос состоит в том, будет ли в этом новом мире Россия *самостоятельной* силой или *ведомым*, зависимым актором. В этих условиях поворот России на Восток из красивого лозунга или даже экономически выгодной стратегии всё больше становится жизненной необходимостью, вопросом будущей судьбы всей страны. Причём речь идёт не о столетии, а о годах. И здесь дело не просто в торговле (что само по себе, конечно, значимо), но в полноценном — культурном, экономическом, политическом

Василий Суриков, «Покорение Сибири Ермаком», 1895 год.

и правовом — вхождении в это пространство. Без такого всеобъемлющего вхождения достаточно сложно не только повернуть на Восток страну, но даже просто развивать торговлю.

Точнее, это возможно было в прошлом — с позиции силы, с позиции колонизатора. Но сегодня Восток постепенно возвращает себе мировое лидерство, утраченное несколько столетий назад, в том числе и в военной сфере. Огромное завоёванное предками русское пространство даёт нам возможность стать первоклассной евроазиатской державой. Сибирь, Дальний Восток из брени или тыла в противостоянии с Западом на глазах превращаются в главный потенциальный актив с точки зрения не только экономического, оборонного, но и духовного, культурного развития страны. Россия начинает заполнять всё пространство, отведённое ей историей.

Поворот на Восток — не просто смена ориентиров, попытка опереться на «новых сильных» в становящемся мире Азии. Страна возвращается к своей двуединой природе, дополняя европейскую составляющую азиатской, избавляясь от комплекса «вечного ученика», вспоминая свою яркую

**Поворот России
на Восток из красивого
лозунга или даже
экономически выгодной
стратегии всё больше
становится жизненной
необходимостью,
вопросом будущей
судьбы всей страны**

и насыщенную историю в Азии, осознавая свою роль в этом пространстве. Только в этом варианте наша страна сможет играть роль одного из центров будущего евразийского «концерта держав». Только так Россия сможет занять место не наблюдателя, случайно попавшего в чужое пространство, а место ключевого игрока.

Не только соображения текущей и перспективной экономической и политической конъюнктуры диктуют потребность поворота России на Восток. Есть здесь причины гораздо более глубокие и значимые, связанные с матрицей политической системы, определяемой особенностями пространственной организации российского государства и общества. При этом важно понимать, что, несмотря на длительную «петровскую эпоху» ориентации на Запад, возвратный путь — это не насильственное и вынужденное движение, но *дорога России домой, к самой себе*, своей евразийской сущности.

Из-за географии, климата, истории, уязвимости внешних вторжений власть в России выполняет три критически важные для общества функции, отличные от функций власти в обществах условного Запада. Во-первых, она обеспечивает защиту населения, сохранение и воспроизводство сложившихся форм жизни — то, что на современном политическом языке и описывается термином «суверенитет». Во-вторых, она обладает ресурсом, который страхует общество в кризисных обстоятельствах, обеспечивая его выживание. И, наконец, третья важнейшая функция власти состоит в том, что сама она и выступает структурообразующим элементом общества, без которого общество рассыпается. Не гражданское общество поддерживает власть, а последняя строит общество. Потребность общества в защите, патернализме объективно требует от власти централизации, а когда центральная власть ослабевает, разваливается и общество, и страна. Так было в смуту, в 1917 г. и в 1990–1991 гг.

Противостояние двух систем создавало дистанцию, позволяющую евразийской державе благополучно существовать по избранной ей матрице, вписанной в ландшафт бескрайних просторов. Исчезновение дистанции, попытка интеллектуальных и политических классов «стать Европой» породили непредвиденные проблемы. В 1990-е гг. в России начинает править бал локальная автаркия («региональные бароны» и местные самодостаточные хозяйственные системы), делающая избыточной центральную власть, если не юридически, то фактически. Само существование России как целого оказывалось под вопросом. Европа, выступающая как фундаментальный

ориентир, обладала характеристиками, радикально противоречащими политическим практикам, сложившимся в России.

Но просто дистанцироваться от Запада далеко не достаточно. Да и не в этом цель. Попытка организации хозяйства по типу западного (прошлых веков) упирается в гигантские пространства, сложность и невероятную дороговизну контроля, способного поглотить доходы даже от эксплуатации золотоносных жил. И важно понять, что это не бесхозяйственность или слабый менеджмент, в чём мы любим обвинять себя (точнее, далеко не только они), а особенность пространственной организации общества. Попытка организации хозяйства по типу современных восточных стран упирается в малочисленность и относительную дороговизну трудовых ресурсов. Опасно и, следуя по пути Запада, усиливать фискальное давление на население. Конечно, современные средства контроля гораздо более совершенны, чем в прошлые эпохи. Но социальные и политические последствия такого жёсткого контроля могут оказаться фатальными для общества.

Есть ли здесь выход? Безусловно. И первым шагом на этом пути станет признание, что Россия — это не Запад и не Восток. Это Россия. Её история, её культура и формы жизни укоренены в истории, традициях, социальных формах как Азии, так и Европы. Но отличие нашей страны и от условного Запада, и от условного Востока, как представляется, — отнюдь не путь одиночества. Россия — это фронтир, *универсальный посредник*, поставщик уникальных ресурсов на мировой рынок. Вернуть себе эту роль (причём там, где она востребована), войти в Азию, оставаясь с Европой — это не только задача, но жизненная необходимость, условие сохранения стабильности и жизнеспособности страны на десятилетия, если не на века. В противном случае — медленная деградация или быстрый взрыв почти неизбежны.

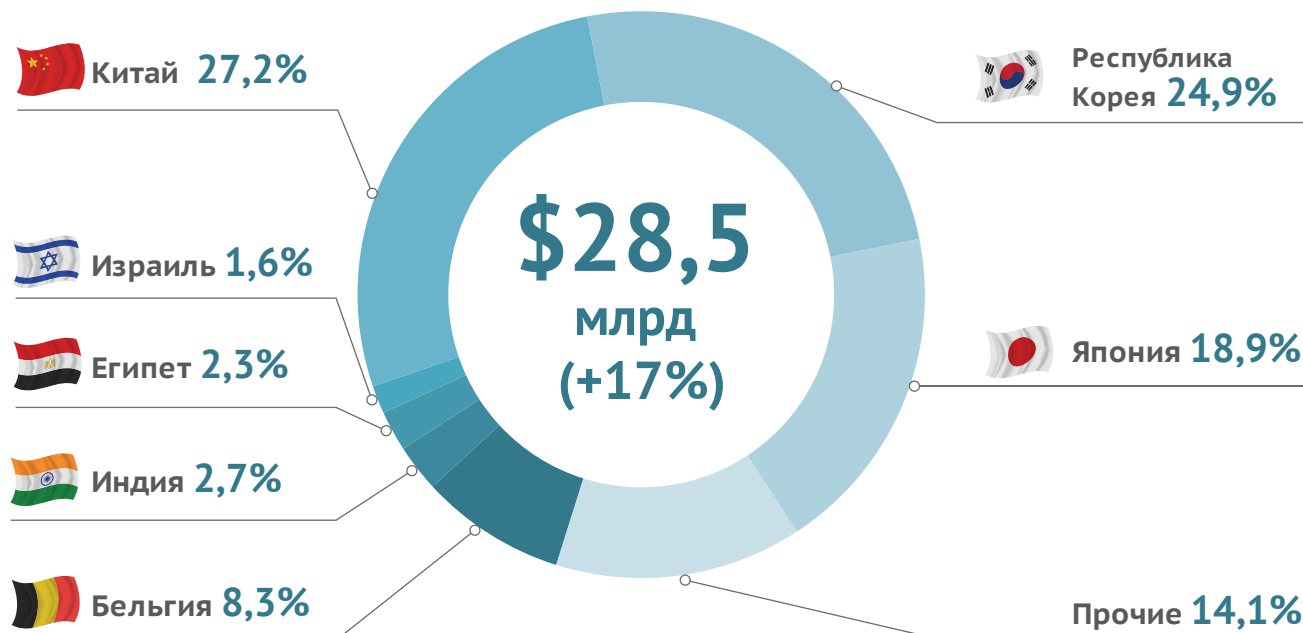
Азия сегодня всё более стремительно становится не просто «мастерской мира», но и огромным рынком, где востребованы самые разные продукты: от сырья до безопасности и социальных технологий. Это пространство, которое начинает выступать центром притяжения для всего мира, при этом оставаясь вполне самодостаточной сущностью. Но стремление «плыть по течению», ожидая, что Азия сама бросится в объятия России, ведёт

Страна возвращается к своей двуединой природе, дополняя европейскую составляющую азиатской

И первым шагом на этом пути станет признание, что Россия — это не Запад и не Восток. Это Россия

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 2017 ГОДУ

ОСНОВНЫЕ ТОРГОВЫЕ ПАРТНЕРЫ И ТОВАРООБОРОТ

ЭКСПОРТ (\$22,2 МЛРД)

Минеральные продукты

Драгоценности

Продукты животного происхождения

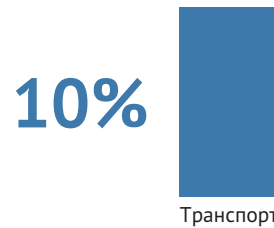

Источник: Дальневосточное таможенное управление ФТС.

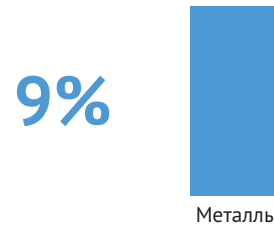
ИМПОРТ (\$6,3 МЛРД)

Машины и оборудование

Транспорт

Металлы

лишь к вытеснению России на периферию истории. Именно поэтому необходимо не только следовать тенденции поворота мира к Азии, но и активно формировать эту тенденцию.

А в загоризонтной перспективе поворот на Восток может оказаться и движением к ещё одному мощнейшему рынку – североамериканскому, в том числе по суше. Выход через Аляску тоже может быть обретением Россией исторической «себя». Но уже в новом мире.

Россия как «место сборки» Большой Евразии

Что же может предложить Россия в обмен на рынки, технологии и инвестиции для стран этой части света? Прежде всего, уникальные природные ресурсы, хранящиеся в «северных кладовых». Естественно, высокого уровня переработки и с использованием продвинутых технологий (успешен опыт Канады, Австралии). Для этого и предпринимаются действия по организации логистики в северной части Дальнего Востока, развивается Северный морской путь, построена трубопроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан», ведётся строительство трубопровода «Сила Сибири».

Но это далеко не всё. Наследие СССР и современная геополитическая ситуация предоставляют России гораздо большие возможности, чем только поставщика сырья. Эти возможности заданы самой географией страны. До самого недавнего времени конечным пунктом большинства транзитных коридоров и товарных потоков (центром потребления) выступали Европа и США. Но эти рынки уже поделены. Кроме того, США сегодня демонстрируют всё более откровенное желание отгородиться от потоков извне, сделав ставку на собственное производство и навязывание собственной продукции странам-партнёрам. При всём том, что логика этого движения понятна, США тем самым утрачивают статус центра мировой экономики. Столкнувшись со стратегией сдерживания со стороны США, Китай вынужден частично отказаться от ориентации на создание главного центра мировой экономики в АТР и двигаться на юго-запад и запад через концепцию «Один пояс, один путь». К тому же основной – через южные моря – торговый путь Китая становится

очевидно уязвимым в отношении возможного перекрытия американцами, которые ещё долго будут сохранять военно-морское превосходство.

Так сложилось, что пространство Евразии разрезано гигантскими горными массивами Тибета, Памиро-Алая, Синьцзяна, пустынными пространствами Такла-Макана, Каракума и Кызылкума. Оптимальный сухопутный маршрут, связывающий континент, проходит по территории России или через Казахстан в Россию. В отличие от любого другого, только этот путь не нуждается в прокладывании коммуникаций через горы и пустыни. Более того, базовый транспортный коридор — Транссиб — уже существует и функционирует. Именно с российской системой дорог теснейшим образом связаны транспортные системы соседних стран, в первую очередь бывших республик СССР. Тем самым природное преимущество уже дополнено технологическим. Сухопутная транспортная система будет активно дополняться морской, связанной с Северным морским путём, а также сетью трубопроводов.

Очень важно наличие политико-культурных обстоятельств, делающих Россию оптимальным узлом для формирования единой Евразии. Несмотря на потери, которые престиж нашей страны понёс на просторах Азии за десятилетия постсоветских попыток стать Европой, унаследованное от СССР и Российской империи влияние здесь остаётся существенным. В Монголии, в Центральной Азии, на Кавказе, да и за пределами бывшего социалистического лагеря русский язык остаётся одним из языков межнационального общения, а отношение к России как к ориентиру продолжает преобладать.

Для **Монголии**, стремящейся, несмотря на возрастающие торговые контакты с КНР, дистанцироваться от своего южного соседа (опасения перед ассимиляционной политикой во Внутренней Монголии), Россия выступает желанной «второй силой», благодаря которой Монголия считает возможным сохранить культурное своеобразие. Важны и укрепляющиеся культурные связи между Монголией и Республикой Бурятия. Культурная близость подчёркивает и то обстоятельство, что приграничные районы Забайкалья являются одним из возможных мест рождения Чингисхана. До недавнего времени большая часть монгольской элиты получала образование в России, преимущественно в Иркутском государственном университете, общежития которого в этнокультурном сознании окружены романтическим ореолом. Стоит учесть и фактор взаимосвязи Трансмонгольской железной дороги и Транссиба.

Сложная ситуация в **Закавказье**, несмотря на демонстративное дистанцирование от России ряда политических сил и государственных деятелей, делает посредническую роль нашей страны крайне важной. Значимыми остаются и хозяйственные контакты с Россией в области туризма, рынков сельскохозяйственной и пищевой продукции. Тем более что при всех новациях основные транспортные коммуникации в этих странах продолжают привязывать их к России.

Оптимальный сухопутный маршрут, связывающий континент, проходит по территории России или через Казахстан в Россию

Особенно велика роль России в **Центральной Азии** – территории, на «освоение» которой ориентирован сегодня Китай. И причины здесь совершенно объективны. В двух странах региона – Узбекистане и Таджикистане – демографический взрыв 1970–1980-х гг. и засоление почв постоянными посадками хлопка приводят к тому, что огромное число жителей оказываются просто невостребованными в рамках национальной экономики. Отток избыточного населения в Россию – это не только источник валютных поступлений, но и способ снизить социальное напряжение в этих странах. Возможность отъезда на временные заработки в арабские страны снижается из-за низкого уровня знания и арабского, и английского. Местные жители просто не выдерживают конкуренции с выходцами из Индии, владеющими английским языком. В то же время русский язык здесь остаётся городским языком, который знают (или считают, что знают) многие. И хотя сегодня роль китайских инвестиций в этом регионе велика, только Россия предоставляет возможности по смягчению острейших демографических проблем этих стран, а также их проблем безопасности.

Сложные межэлитные отношения в Киргизии делают геостратегическую и посредническую функцию России в этой стране востребованной и для поддержания внутреннего мира, и для развития территории. Безусловно, самостоятельную политическую роль старосты в Центральной Азии играет, и небезуспешно, Казахстан. Но и здесь существуют факторы, делающие роль России крайне значительной. Да и транспортная система Казахстана жёстко привязана к транспортной системе России. Однако влияние здесь важно отнюдь не как самоцель. Россия и тесно связанные с ней страны (логистика, язык, историческая и политическая судьба) при этом превращаются в универсальные транзитные пространства для товаров, услуг, культурного опыта освоения мира.

В силу ряда обстоятельств сохраняется и возобновляется влияние России в **Иране и на Ближнем Востоке**. Однако если в новых и не очень новых государствах Центральной Азии и Закавказья речь идёт о долгосрочных цивилизационных факторах, то в представленном случае можно говорить о политической конъюнктуре, которая может быть использована и закреплена. В таком случае эти важнейшие государства Евразии тоже включатся в структуру, к созданию которой ведёт Россия. Это тем более реально, что в последние десятилетия и Иран, и Турция всё больше поворачиваются в сторону Азии. До сих пор слабо оценён потенциал Каспийского моря как связующего пространства не только для России и Закавказья, но и для Ирана. Вместе с тем были периоды, когда эта коммуникационная ветка становилась едва ли не ключевым торговым пространством центра Евразии. В наше время эта ситуация вполне может отчасти повториться.

Наконец, началось строительство железной дороги из России к Персидскому заливу. Большое значение в построении Большой Евразии имеет совместный проект России и Ирана по прокладке трубопровода в Индию. Это не только важнейшее направление диверсификации российских торговых потоков в сторону этой страны — второго (после Китая) потребителя газа в мире. Сложные отношения между Индией и Китаем сегодня толкают первую в сторону усиления партнёрства с США. Включение Индии в Большую Евразию, в которую она, несомненно, входит исторически и продолжает входить в хозяйственном и культурном отношении — одна из важнейших задач. Традиционно тесные политические отношения между Россией и Индией при укреплении хозяйственных связей позволяют нашей стране выполнить посредническую функцию, обеспечить условия для стабилизации политической ситуации в регионе, для успешного экономического взаимодействия на всём пространстве континента.

Важно и то, что между большей частью стран Большой Евразии и Россией за постсоветский период сложились «входные пространства»: особые точки, через которые наша страна и её азиатское (и не только азиатское) окружение осуществляют коммуникацию. Иркутск, Новосибирск, Екатеринбург, Краснодар являются «воротами» не только для временных рабочих, но и для товарных и финансовых потоков в обе стороны. К «воротам» стягиваются товары, предназначенные для этих стран и регионов. Здесь перегружаются и хранятся товары для других регионов России или других стран. В этих и некоторых других точках

Встреча участников медиатура «Граница России и Китая» в Благовещенске, 2016 год.

стихийно возникает система складов, гостиниц (общежитий), досуговая инфраструктура, ориентированная на обслуживание этих потоков, формируются этнические рынки. Через Россию и в Россию движутся не только товары, произведённые в нашей стране, Казахстане, Узбекистане и т.д. — движутся товары из Китая, Южной Кореи, стран Юго-Восточной Азии (ЮВА), пришедшие по морю или по железной дороге через Китай. Сегодня эти «ворота» существуют стихийно и обособленно, часто наперекор силовому давлению. Но в случае, когда каждые из этих «ворот» займут своё место в рамках единой трансазиатской транспортной системы России, товарные и людские ручейки превратятся в потоки, сольются с транспортной системой в ЮВА и южных провинциях КНР — будет возникать Азия как целостная хозяйственная система.

Конструирование такого пространства с Россией как его важным связующим элементом и есть цель поворота на Восток, строительства Большой Евразии

Собственно, конструирование такого пространства с Россией как его важным связующим элементом и есть цель поворота на Восток, строительства Большой Евразии.

Мощно содействует этой тенденции и упомянутый «Один пояс, один путь», нацеленный не только на создание вокруг Китая пояса дружественных и благополучных государств, зависящих от него рынков, но и на выход на рынки Европы. Именно Китай выступает сегодня инициатором переноса значительной части центра тяжести мировой торговли с морей на континентальные пространства, из Тихого океана и Атлантики — в Евразию. Именно Китай сегодня создаёт единую транспортную систему, соединяющую его территорию и страны ЮВА, иницирует дорожное строительство через Казахстан. И здесь два проекта не противоречат, а дополняют друг друга — не только на просторах Большой Евразии, но и в зоне соприкосновения границ на Дальнем Востоке.

Владивосток и выступает при этом не окном, но «воротами» в Азию, «входным пространством» для Южной Кореи и Японии, «точкой входа» России на эти рынки. Для этого и необходимо продолжение реконструкции порта, расширение Транссиба, развитие БАМа. Необходимо развитие и остальных «ворот», которые выступают теперь формами интеграции России в сопредельное евразийское пространство (Екатеринбург, Новосибирск, Иркутск, Чита и др.). Для северных провинций Китая связь с Евразией через Транссиб и Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), выходящую на Транссиб, будет более удобной, чем через Казахстан с выходом в европейской части России. Здесь «входным пространством» может выступить Чита, традиционная база на КВЖД, и Хабаровск с логистическим центром на о. Большой Уссурийский, создаваемым сегодня.

Крайне важна здесь **культурно-геополитическая составляющая** проекта поворота России на Восток. Многоголосая, разная и единая Россия получает возможность выступить важным центром встречи Азии с Европой. Россия — христианская страна. Это, безусловно, сближает её с христианскими государствами Европы. Но уникальность опыта России состоит в том, что здесь представители разных религий много веков проживали рядом, вместе. В России, а особенно в её сибирской части, сложились уникальные традиции веротерпимости и сосуществования. Здесь необходимо тщательное изучение опыта Забайкальского региона, где сегодня сложился уникальный симбиоз культур, составленный из множества различных по вере

социальных групп, выработавших успешные формы совместного проживания и общения. Забайкальский опыт при его рациональном использовании может стать одной из матриц организации культурного и религиозного взаимодействия в Восточной Азии. Для создания успешной матрицы общения с мусульманскими странами, понимания не только хозяйственных или этнических, но религиозных оснований политики этих стран крайне важен опыт Татарстана и Башкортостана. Развитие мусульманского богословия в России, рост его авторитета в мире способны не только облегчить общение в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, но и выбить из рук террористов религиозные «козыри».

Для каждого из евразийских пространств (христианского, мусульманского, буддийского) в России есть язык, выработанный столетиями. Язык не растворения в себе, а сложного и продуктивного диалога. Россия вполне может и должна стать для Евразии не только транзитным пространством, способом связать хозяйственные системы, но и пространством диалога между разными, но в то же время во многом духовно близкими культурами. В китайской традиции есть понятие «гармония многообразия». В русской культуре есть близкое к нему понятие – «соборность». Такая соборность в Евразии может быть создана при посредничестве России. Таким образом, поворот России на Восток отнюдь не является проектом регионального уровня. Он включает в себя:

- Перенос центра тяжести российской политики, национального экономического и культурного строительства с западного направления на восточное. Осознание своей евразийской природы, где «Азия» слишком долго находилась в тени «Европы».
- Создание разветвлённой транспортно-логистической сети, являющейся материальной основой построения Большой Евразии и позволяющей решить две задачи. Во-первых, включить в хозяйственный оборот уникальные «кладовые» северных районов востока России, создать условия для привлечения инвестиций в переработку природного сырья на территории страны. Во-вторых, связать воедино хозяйственные комплексы Северной Евразии, Центральной и Передней Азии.
- Содействие – в опоре на разнголосую и единую культуру России – осуществлению синтеза культур и обществ на пространстве Большой Евразии, становление в качестве «места встречи» и пространства формирования одного из главных центров нового мира и нового мирового порядка.

Александр Сучков, «Защита Албазинского острога в 1685–1687 годах».

- Активное, а на ряде направлений и ключевое, участие в создании на просторах Евразии сообщества сотрудничества, развития и безопасности, включающего в перспективе и Европу, западную часть континента.

К тому же Россия, благодаря многообразию её культуры, хорошо приспособлена для роли геополитического балансира между конкурентами в Азии, прежде всего между Индией и Китаем. Россия доказала, что может быть посредником в конфликте вокруг Сирии. На выстраивание устойчивого и сбалансированного мироустройства в Азии нацелена и концепция Большой Евразии. Россия с её дипломатическим мастерством и военно-политическим весом, несвязанная формальными военно-политическими обязательствами идеально приспособлена, чтобы стать ведущим поставщиком безопасности в Евразии: независимым и относительно равноудалённым балансиром и арбитром размораживающихся и вновь возникающих конфликтных ситуаций на континенте и в Восточной Азии, в том числе в отношениях Китая, Японии, Индии, Северной и Южной Кореи. Этот геополитический ресурс до известной меры компенсирует относительную экономическую слабость.

Сегодня впервые за последние 500 лет появляется реальный шанс построить Великую и Большую Евразию — не империю, но союз народов,

осознающих свои различия, но при этом ощущающих единство исторической судьбы. И естественным «местом сборки» Евразии может — и призвана — стать Россия с её множеством сосуществующих культур, с её «воротами», связывающими гигантский континент в новую общность. Но на пути реализации Россией своей евразийской миссии есть немало препятствий: мифы об Азии, многочисленные «фобии», связанные с Востоком. Ведь не бабушки у подъезда, а солидные «эксперты» рассуждают об «угрозе с Востока» и «ползучей экспансии». Причём делают это во вполне уважаемых СМИ. В чём же эта «угроза»? Попробуем разобраться.

О мифах, фобиях и переводе Азии на русский язык

К сожалению, бытовая, да и не только бытовая, ксенофобия продолжает сохраняться в России, являясь серьёзным препятствием для реализации поворота на Восток. Тем более что ксенофобия достаточно избирательная. То, что представляется вполне извинительным для представителя европейской страны или США (национальные особенности, традиции), часто выступает предметом возмущения в отношении выходца с азиатской части континента. Незнание или избирательное знание Востока порождает страх и стремление дистанцироваться от него. Пожалуй, сильнее всего фобии в отношении Востока воплотились в идее «жёлтой угрозы».

О том, что Восток угрожает России, говорится и пишется уже более 100 лет. Правда, на первом этапе, в первой половине XX в., «угрозу» отождествляли с Японией. Собственно, создание из Дальневосточного региона форпоста, «крепости» на Востоке выстраивалось именно в этой логике. Во второй половине столетия главная угроза сменилась. Теперь она исходила из Китая. Но идея «крепости» осталась. Как остался и сам мотив противостояния с Востоком, распространившись от передовиц в газетах и бесед на скамейках до «научных» исследований. Именно этот образ Востока формировал самосознание дальневосточников, обеспечивая для них смысл деятельности. Любой житель региона и не только региона знал, что к Дальнему Востоку нельзя подходить с экономической меркой, поскольку здесь решается проблема

**Незнание
или избирательное
знание Востока
порождает страх
и стремление
дистанцироваться от него**

безопасности России (СССР). Оборонное сознание на протяжении всего советского периода для большей части жителей региона было базовым.

Понятно, что столь глубинная структура не может колебаться «вместе с политикой партии». Новое направление, ставшее основным с 1985 г., породившее перестройку, распад СССР и все последующие события постсоветского периода, было воспринято в регионе однозначно как поражение. Несмотря на радикальную смену социально-экономических условий, исчезновение идеологии и самой страны СССР, весь постсоветский период, а особенно в 1990-е гг., число носителей «форпостной» идентификации было достаточно велико. Даже при опросе в 2011 г., проведённом в преддверии саммита АТЭС во Владивостоке, количество респондентов, считающих оптимальным военный путь развития региона («регион-крепость», «город-крепость») составляло более 23%.

Главным противником на Дальнем Востоке большую часть послевоенной истории СССР был Китай. Появление китайских торговцев, а несколько позже и китайских рабочих (предпринимателей, студентов, деятелей культуры и т.д.) первоначально воспринималось жителями региона как личная катастрофа, утрата экзистенциального смысла. Здесь миф о «жёлтой угрозе» переходит в массовое сознание: они нас захватывают. Ведь вот они — внутри «крепости». При всём том, что численность китайских граждан на территории Дальнего Востока никогда не превышала нескольких десятков тысяч человек, факт их наличия порождал истерию, ставшую в первой половине 1990-х гг. едва ли не всеобщей. Понятно, что страх распределялся достаточно неравномерно. На севере, где число граждан КНР было пренебрежимо мало, о том, что Дальний Восток уже захватили китайцы, слышали, читали — и не более. Сходное ощущение было и в центре. Сильнее он был на территориях, особенно тесно взаимодействующих с южным соседом: южные районы Приморья и Амурской области.

Правда, почти сразу на Дальнем Востоке он сменился более сложным отношением: нас, конечно, захватывают, но другого пути выжить в условиях, когда метрополия бросила свою «крепость», кроме как сотрудничать с ними, у нас (дальневосточников) нет. Начинается период массового «челночного» движения в регионе, активного трансграничного взаимодействия, из которого и вырос малый и средний бизнес Дальнего Востока. Во всяком случае, его южной части. Приграничные города Китая «обживаются» дальневосточниками, приспособляются под них. Здесь формируется инфраструктура,

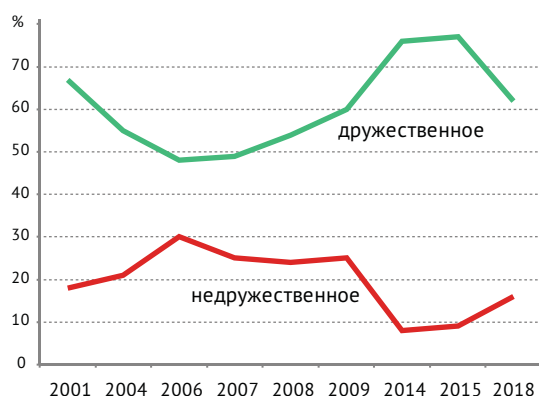
ОБЗОР ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

ПЯТЬ НАИБОЛЕЕ ДРУЖЕСТВЕННЫХ СТРАН ПО МНЕНИЮ РОССИЯН

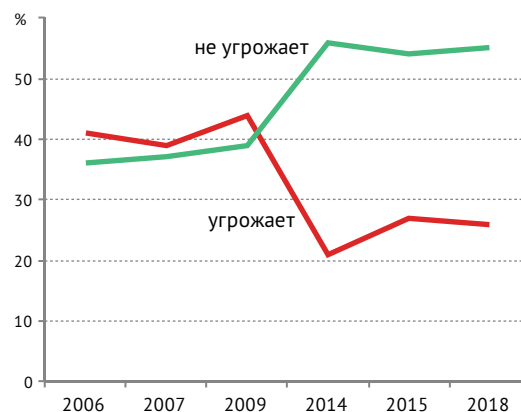
*данные на апрель 2018 года

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ К КИТАЮ

УГРОЖАЕТ ЛИ УСИЛЕНИЕ КИТАЯ ИНТЕРЕСАМ РОССИИ?

ЕСЛИ БЫ У ВАС БЫЛ ВЫБОР, ПОЕХАТЬ В КИТАЙ ИЛИ В ОДНУ ИЗ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН, ГДЕ ВЫ НЕ БЫЛИ, КУДА БЫ ПОЕХАЛИ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ?

В Китай **27%**

В одну из стран Европы **49%**

Затрудняюсь ответить **24%**

Источник: ФОМ.

ориентированная на приграничную торговлю (дешёвые гостиницы, склады, кафе, транспортные схемы). Жители этих городов активно учат русский язык, появляются вывески и меню на русском языке. Словом, приграничные районы Китая перестают быть для дальневосточников чужими.

Правда, на русской территории ситуация складывается не столь благобно. Здесь «жёлтая угроза» становится едва ли не официальной идеологией региональных властей. Причина принятия на вооружение уже теряющей популярность у населения идеи «жёлтой угрозы» — в специфических способах выстраивания отношений между центром и регионами. Последние в свете предложения Б.Н. Ельцина «брать суверенитета, сколько сможете унести» конструируют «ужасы», под которые и выделяются дополнительные полномочия местной власти. Такая «торговля угрозами» была на тот момент самой оптимальной региональной стратегией. Самым успешным здесь был Татарстан, выторговавший под знаком «угрозы исламского экстремизма» максимальный объём прав. Но дальневосточные субъекты Российской Федерации тоже ненамного отстали. Под флагом противостояния (не столь важно, искреннего или имитационного) «китайской угрозе» они получили достаточно широкие полномочия, позволившие региональным администрациям де-факто реализовать режим свободной торговли для своих территорий, бывший на тот момент формой их выживания. С помощью «жёлтой угрозы» региональные руководители объясняли федеральному центру, почему он не должен вмешиваться в дальневосточные дела, менять сложившиеся правила игры. Здесь всё плохо и сложно, и только имярек (губернатор) способен удержать ситуацию, защитить российскую землю от «жёлтой экспансии».

На фоне такой политики на рубеже веков дальневосточники осваивают уже не китайское приграничье, но северные провинции. Харбин, Далянь, Муданьцзян и Цицикар становятся вполне привычными и обжитыми для россиян-дальневосточников. Расширяются и миграционные потоки в обе стороны. В Китай едут педагоги и архитекторы, инженеры и студенты. В Россию на рубеже веков прибывают прежде всего временные работники, но также и предприниматели, учёные. Интенсифицируются контакты между региональными администрациями. В этот период появляется соответствующая инфраструктура и с другой стороны границы, в России, с ориентацией на граждан Поднебесной. Но в сравнении с местным населением численность выходцев из КНР на территории Дальнего Востока даже в этот период была пренебрежимо мала.

Ситуация вновь меняется к середине первого десятилетия текущего века. Китайские гастарбайтеры исчезают. Их сменяют выходцы из стран Центральной Азии. Зато гораздо больше появляется китайских бизнесменов, учёных и педагогов, музыкантов и художников, врачей, поваров. Рост материального благополучия жителей северных провинций Китая сделал для них временную работу в России невыгодной. Число граждан Китая в России уменьшается, хотя значимость их растёт. При этом увеличивается поток россиян в Китай. Российские предприниматели обрастают связями в сопредельных странах и более отдалённых странах ЮВА, инвестируют в их экономику, создают совместные предприятия, размещают заказы на предприятиях Китая. Российские (дальневосточные) студенты всё активнее едут получать образование в Китай и Южную Корею.

Более популярным становится отдых в Китае. Остров Хайнань, курорты Жёлтого моря притягивают жителей Дальнего Востока как более дешёвые, чем Приморье, и предоставляющие более высокий уровень сервиса. В этот период и возникают дружеские и партнёрские сети, формируется опыт взаимодействия в пространстве Восточной Азии. Российские и китайские художники устраивают выставки и в городах Дальнего Востока, и на территории Китая, проводятся совместные (приграничные) фестивали в Благовещенске. Достаточно большое число педагогов, инженеров, архитекторов, специалистов в области информационных технологий получают долгосрочные контракты на работу в Китае. До недавнего времени даже некоторые пенсионеры, сдавая квартиру во Владивостоке, Хабаровске или Благовещенске, переезжали в китайские приграничные курортные городки. В этих условиях всерьёз говорить о «китайской угрозе» могли только любители конспирологических теорий в стиле: «это они притворяются хорошими, а на самом деле...».

Но уже совсем малочисленные и маргинальные сторонники «жёлтой угрозы» получили неожиданную поддержку из западных губерний, из столиц. Идущий в 1990-е гг. с Дальнего Востока образ «китайской угрозы» наложился на старые страхи и породил убеждение, что на востоке «китайцы уже всё захватили». Что их там миллионы. Что они массово женятся на россиянках. Поскольку миф рациональному опровержению не поддаётся, то опровергнуть его довольно трудно. Ни констатация того что без учёта краткосрочных визитов число китайцев в России не превышает сотни тысяч человек, из которых большая часть – студенты российских вузов, ни указание на то, что прямых инвестиций Китая в Россию меньше, чем российских

(частных) инвестиций в экономику КНР, — миф не компрометировали. Даже российско-китайских браков оказывается несколько десятков или может быть сотен или десятков тысяч в год. К тому же вообще трудно видеть в межнациональных браках угрозу. По не вполне понятным причинам сторонников «жёлтой угрозы» не смущали китайцы в Европе, в ЮВА. Зато китайцы в Санкт-Петербурге приводили в страх и трепет. Всё новые группы журналистов столичных СМИ приезжали описывать «захваченный Дальний Восток», возвращаясь разочарованными, поскольку захватчики коварно прятались и обнаружить их не удавалось. Однако активность столичных «свидетелей жёлтой угрозы» не прекращалась, ведь они сражались не только за привычную, хотя и уже невыгодную культурно-политическую и экономическую ориентацию на Европу, но и за свои многолетние вложения в связи на Западе, за инвестиции в западную недвижимость, ориентацию на Европу.

Кроме того, с конца 2000-х гг. русскую синофобию стали подкачивать друзья-соперники из Европы. Пошёл поток статей, доказывающих, что Китай поглотит Россию, что поворот на Восток невыгоден и обречён. Эти статьи массово транслировались российскими западниками. Целью этих публикаций было, видимо, недопущение диверсификации российских экономических и политических связей, усиления конкурентных позиций России и российских хозяйственных субъектов в отношениях с Европой, сохранение приятной и выгодной системы отношений — когда «ученик» готов не только подчиняться, но и платить «учителю». На Дальнем Востоке синофобия угасает, иначе обстоит дела за пределами региона. Здесь борьба с «жёлтой угрозой» продолжается. Здесь же и мифы о том, что китайцы зверски вырубают леса. Лес вырубает местные промышленники и «сочувствующие» им чиновники. Китайцы лес скупают. Это — целиком внутренняя проблема России.

В свете укрепления политического партнёрства России и Китая возникает альтернативная идея — о Китае как о манне небесной для России. Из наличия политического союза делаются достаточно странные выводы, что китайские деловые круги будут действовать не в своих интересах, а в интересах своих российских партнёров. Из Китая ожидаются (или ожидалось до самого последнего времени) инвестиции не туда, где это будет выгодно их бизнесу, а туда, куда нужно России или даже отдельным компаниям, которые сами инвестировать не готовы. Отсутствие подобного поведения отбрасывает носителей неоправданных ожиданий в область поиска конспирологических объяснений таких «странностей», к идее «жёлтой угрозы». И первое, и второе

являются серьёзным препятствием для выстраивания взаимовыгодных торговых связей и идеи поворота на Восток в целом. К тому же двум государствам действительно пока не удаётся чётко отработать путь от политических заявлений и рамочных соглашений к реальным инвестициям и совместным проектам.

Несмотря на гипертрофированность всех фобий в отношении к Востоку, определённое рациональное основание под ними стоит. Оно связано, конечно, не с «агрессией» или «экспансией» какой-либо восточной страны в отношении России. Однако любое излишнее сближение с иным, даже если оно оправдано в краткосрочной перспективе, может вести к растворению, утрате собственной сущности.

Некогда страны и народы восточной части Евразии в сложный для себя период (разорённый непрекращающимися двухсотлетними войнами Китай, лежащий в руинах Тибет, переживающая острый внутренний кризис Япония) создали «двухслойный» язык для общения с европейцами. Внешним слоем здесь выступали европейские формы, за которыми стояло вполне азиатское содержание. Этот язык позволял им брать из европейской техногенной цивилизации то, что соответствовало духу их жизни и отбрасывать всё иное, маскируя это различными имитационными формами. Был создан эффективный, уже более столетия работающий фильтр между Востоком и Западом. Япония сделала это первой в эпоху Мэйдзи. Китай пошёл по этому пути существенно позже. Сегодня этот язык-фильтр, структуры-фильтры распространены повсеместно (конечно, с существенными национальными вариациями). Этот опыт и стоит позаимствовать России при взаимодействии с Азией. В противном случае сделки будут не особенно надёжными, инвестиции меньшими, а продавцы вполне могут оказаться (и уже оказываются) в положении просителей, получая существенно меньшую выгоду от своей деятельности. Для того чтобы видеть не только протекционистские меры в соответствующих законах этих стран, но и заложенные в них же механизмы вполне легального обхода запретов, нужно стать максимально возможно «своим».

Российская философия внешних связей создавалась для общения с Западом по тем лекалам, которые приняты

**Из наличия
политического союза
делаются странные
выводы, что китайские
деловые круги будут
действовать не в своих
интересах, а в интересах
российских партнёров**

**Двум государствам
действительно пока
не удаётся чётко
отработать путь
от политических
заявлений и рамочных
соглашений к реальным
инвестициям
и совместным проектам**

в этом пространстве. Если европейская цивилизация — во всяком случае, в её модернистской форме — базируется на идее абсолютизации права и личной инициативы, то Восток живёт не столько в мире права, сколько в мире порядка, где право, закон, обычай и вера — лишь средства для обеспечения изначального порядка и гармонии в обществе. Основой же последнего выступает «дом» (семья, соседское и дружеское окружение). Из них («домов», дружеского и соседского окружения), а не из институтов гражданского общества, состоит социальная ткань.

Безусловно, столетия господства Запада (и подчас очень жёсткого господства) принесли на восточную почву немало зёрен, предназначенных прорасти под иным небом. Внешне они напоминают своих западных отцов. Но земля, которая их взрастила, вложила во внешние формы иной смысл. Именно потому, что почва здесь иная и растения на ней вызревают иначе, выработанные европоцентристской культурой формы «борьбы» показывают на этой почве довольно малую эффективность. И строгие санкции в отношении Китая после событий на площади Тяньаньмэнь, и бойкот Ирана, и санкции против Индии, и даже изоляция Северной Кореи не привели эти страны к катастрофе и распаду. Часто даже давали толчок к развитию национальной экономики и культуры.

«Священные коровы» западной институциональной системы становятся здесь только «языком», формой (не всегда удачной) для выражения иных, более свойственных этой земле смыслов, связанных с традиционными способами социальной организации. Западные политики выработали универсальный, точнее, универсалистский способ межнационального взаимодействия: норма, основанная на общественном договоре и закреплённая в законе, — внутри страны; международное право — вовне. Наличие законодательно закреплённого формального акта выступает здесь основой для взаимного доверия контрагентов. На Востоке основой, скрепляющей договорённости, выступает не столько формальный акт, сколько межличностное, персональное доверие между участниками договора. Безусловно, сделка может состояться и в ином случае, когда речь идёт о чем-то особенно выгодном для участников. Но надёжное и долговременное сотрудничество здесь не особенно вероятно. Это тем более важно в условиях, когда нормы международного права продолжают размываться, а международные экономические отношения быстро политизируются. Здесь слабеющее институциональное доверие и компенсируется доверием межличностным, персональным

доверием участников из разных стран. Чтобы преуспеть, российским политикам и российскому бизнесу надо начинать привыкать работать в иной идейной среде, понимать цивилизационные особенности партнёра, играть «в долгую».

Разумеется, стремление сблизиться, войти, стать «своими», не отменяет рациональной политики балансирования и даже мягкого сдерживания азиатских партнёров — чрезмерная зависимость везде опасна. Именно в этом состоит геополитическая составляющая концепции Большой Евразии, подразумевающая не только создание общего пространства сотрудничества, развития и безопасности (что приблизительно соответствует китайской концепции «сообщества единой судьбы»), но и погружение Китая — неизбежного лидера региона — в сеть связей, институтов и балансов, исключающих неприемлемую для его больших соседей даже мягкую гегемонию. Это является определённым вызовом для Пекина, в котором не может не быть сильной многотысячелетней инерции Срединного царства, мягко «подминающего» соседей. В отношении наследников Российской, Персидской, Османской империи, Индии такая стратегия неприменима. России для того, чтобы обеспечить себе успешную коммуникацию с Азией и одновременно обезопасить себя от поглощения последней, необходим посредник-переводчик.

Выше мы говорили о наличии структур-фильтров и языка-фильтра, которые позволяли азиатским странам успешно взаимодействовать с мировой экономикой, построенной по западноцентристской матрице, при самых жёстких ограничительных мерах со стороны последней. Но эти структуры вырабатывались в течение столетий или, в лучшем случае, десятилетий. Такого запаса времени у России сегодня нет. Однако ситуация отнюдь не безвыходная. Сегодня в России есть огромный регион, охватывающий южную часть Дальнего Востока, Забайкалья, который по стечению обстоятельств в исторически ничтожные сроки смог выработать формы взаимодействия с хозяйственными системами большинства стран Северо-Восточной и части стран Юго-Восточной Азии.

На Востоке основой, скрепляющей договорённости, выступает не столько формальный акт, сколько межличностное доверие между участниками договора

Чтобы преуспеть, российским политикам и российскому бизнесу надо начинать привыкать работать в иной идейной среде, понимать цивилизационные особенности партнёра, играть «в долгую»

Здесь и становится понятной критическая важность развития Дальнего Востока России — основного «входного пространства» России в Азии, региона-посредника. Именно Дальний Восток сегодня является носителем уникального опыта вхождения в пространство Восточной Азии, способен выступить «проводником» и даже «переводчиком» Азии для России в этом незнакомом мире, сопровождающим её в этом путешествии, страхующим от неверных шагов. Становится понятна та роль, которую могут сыграть дальневосточники в воплощении проекта Большой Евразии.

Что нужно делать №1. Дальний Восток и не только

Так сложилось, что после распада СССР Дальний Восток был предоставлен собственной судьбе. Он оказался практически отрезан от основной части страны (менее 4% продукции региона направлялось в западном направлении) при том, что существующее к тому моменту в регионе хозяйство к самостоятельному (не в рамках национальной экономики) существованию было абсолютно не подготовлено.

Немногим более чем за десятилетие, опираясь на советский (до 1950-х гг.) и досоветский опыт, существенная часть жителей региона смогла включиться в экономику сопредельных стран. И не просто включиться. Они обзавелись здесь партнёрской и дружеской сетью, охватывающей сегодня практически все северные провинции Китая, распространяющейся на Корею, Японию и страны ЮВА. Именно эти сети позволяли в крайне сложных условиях вести деловые операции, страховать свой бизнес от самых разных угроз, решать проблемы с государственными и частными структурами сопредельных и достаточно удалённых стран. Конечно, это были не корпорации мирового уровня, а малые или средние предприятия. Именно поэтому сотрудничество оставалось трансграничным, не охватывало всех возможных направлений и пространств. Но даже в таком виде оно создавало опыт, позволяло выработать понятный и удобный язык коммуникации, принципы взаимодействия в пространстве Восточной Азии. Они смогли научиться видеть реальные отношения, скрытые западной формой, работать с людьми и местными институтами, а не с имитационными форматами.

© Донат Сорокин/ТАСС

Памятник Н.Н. Муравьёву-Амурскому в Благовещенске, 2018 год.

Но не только предприниматели региона получили такой опыт. Дальневосточные вузы, НИИ, музеи вынуждены были налаживать контакты с коллегами из ближайшего зарубежья, учить язык, осваивать навыки местного этикета — просто для выживания. Достаточно долгое время это был, практически, единственный способ получить возможность для развития нового направления в образовании, проведения дорогостоящего эксперимента или полевого исследования, создания новой экспозиции, выставки, организации яркого культурного мероприятия. Пожалуй, опыт этих организаций даже более ценен, поскольку коммуникация здесь охватывала государственные структуры сопредельных стран самого разного уровня: от муниципального до федерального. Значительная часть этих организаций плотно интегрирована в профильные союзы и объединения макрорегиона, обменные программы и т.д. При этом просто в силу своего вхождения в единую общероссийскую сеть, связь вузов, НИИ, музеев и т.д. с внутренним пространством страны была существенно сильнее, чем связь бизнеса.

Эта территория, люди, её населяющие, организации, расположенные здесь, и могли бы выступить в качестве фильтра, посредника, проводника между «европейской Россией» и Восточной Азией. Могла бы, но не выступает. Пока этот опыт дальневосточников пропадает. Отчасти по вине самих дальневосточников, которые не спешат его артикулировать, боятся конкурентов с запада страны, не хотят привлекать их. Не зная об этой возможности, люди, стремящиеся развивать регион из условной Москвы, стараются как-то подключить местных к глобальному проекту, но совсем не там, где дальневосточные специалисты могут быть полезными. Взаимный скепсис порождает столь же взаимное дистанцирование. Не подключаются к проекту и многие уже существующие партнёры дальневосточников из азиатских стран. Значительный ресурс сближения с Азией — активное использование пусть небольших, но часто важных диаспор азиатских стран, живущих и работающих в России. Они могут служить дополнительными проводниками для взаимодействия для лучшего понимания других, должны быть задействованы в образовании. Пока их скорее ограничивают.

Для столичных деятелей дальневосточники оказываются не вполне понятным балластом, придатком к критически важной территории. При этом придатком постоянно «ноющим», требующим для себя (непонятно за что) всё новых льгот. Для местных жителей скепсис связан с тем, что, видя, как без учёта специфики региона, его опыта интеграции в Восточную Азию идёт развитие Дальнего Востока, иначе как в качестве «распила бюджета из Москвы» они это не воспринимают. А молчат потому, что об этом не спрашивают. Да и что говорить об очевидных для жителя региона вещах. Преодолима ли эта ситуация? Да. Просто на вопросы отвечают тогда, когда их задают.

Идея новой и особой роли Дальнего Востока — регион убыстрённого развития, регион-посредник, фильтр и проводник, ворота для всей России в новый мир, к новому благосостоянию — должна быть не только артикулирована, но и воплощена в систему конкретных действий с конкретными людьми (вполне известными в регионе). Тогда включение дальневосточников в процесс поворота на Восток — причём включение активное — вполне возможно. Формы такого включения совсем не обязательно должны быть публичными и громкими (конференции, форумы). Ещё важнее превращение идеи поворота на Восток в серию конкретных проектов по взаимодействию России и стран Восточной Азии, создание под эти проекты рабочих групп с определением сроков, ресурсов и степени свободы действий.

В регионе уже созданы структуры (например, корпорации по развитию территорий), которые сопровождают инвестиционные проекты, ускоряют прохождение всех формальных процедур. Но не менее важно работать с потенциальными инвесторами в иностранных государствах, формировать такие *группы поддержки и сопровождения* для российских инвестиций за рубежом. И здесь личные связи, создание сетей доверия, по которым распространяется информация, позволят сделать и российские, и иностранные инвестиции более надёжными, более прибыльными. При общей координации из центра и информационной поддержке такие локальные группы станут реальным шагом России в Азию. Наличие персонального доверия, сложившейся социальной сети в этих странах позволит участникам этих групп выполнить важнейшую функцию для России в целом – функцию проводника-переводчика. Понятно, что такая работа, тем более производимая на постоянной основе (в ином варианте она мало осмысленна), требует высочайшего уровня знания и аналитики.

Именно поэтому одним из важнейших условий её успешности станут аналитические центры, ориентированные на сбор и обработку информации из стран Азии. Нужны квалифицированные востоковеды. Причём не просто знатоки того или иного языка, но люди, обладающие способностью к анализу, широчайшей страноведческой эрудицией. И нужны они не только в столичных центрах, хотя и там, но в регионах соприкосновения. Подготовка востоковедов – одна из приоритетных задач поворота на Восток на новом этапе. Важно, чтобы они росли и работали при российской финансовой поддержке. Перефразируя известную сентенцию о том, что не желающие кормить свою армию, будут кормить чужую, можно сказать: те, кто сегодня не пожелает кормить востоковедов, будут и сегодня и всегда платить штрафы за своё незнание Востока.

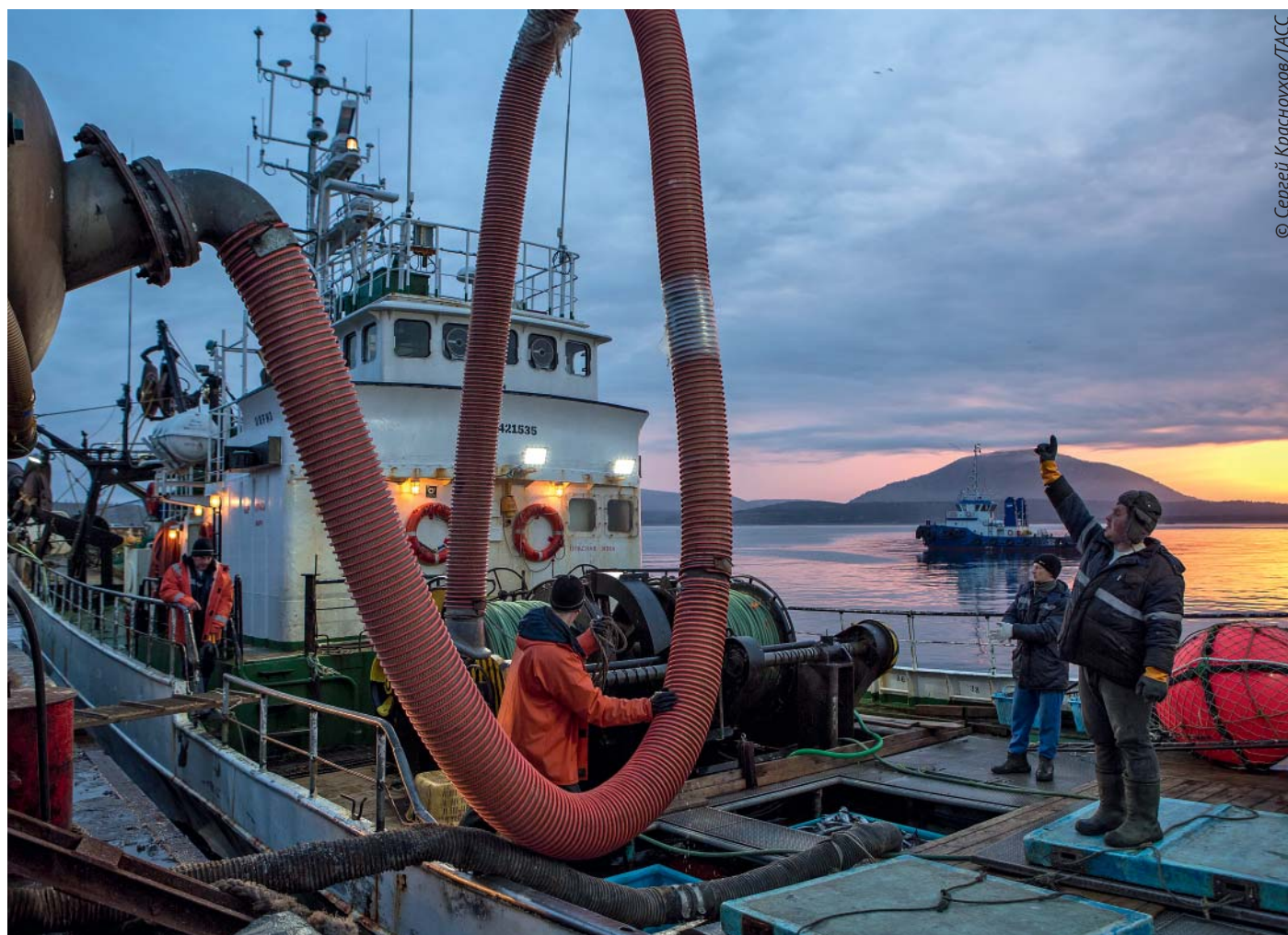
Однако такими посредниками окажутся далеко не все жители региона. Как и в любом обществе, далеко не всё население Дальнего Востока готово интегрироваться в международную среду (особенно в северной части). Они и создают тот негативный информационный фон, который сопровождает любые новации, проистекающие извне. При этом часто игнорируется то обстоятельство, что в существующих условиях Дальний Восток России по многим категориям работников не трудонедостаточный, а трудоизбыточный регион с высокой долей «лишнего» населения. Здесь возможны и необходимы два типа действий.

**Подготовка
востоковедов — одна
из приоритетных задач
поворота на Восток
на новом этапе**

Во-первых, какая-то часть людей вполне может быть включена в проекты в качестве исполнителей, «прорабов и рабочих», поскольку любой логистический или строительный проект потребует большого числа рабочих рук. Если на севере региона каждый завезённый работник оказывается дешевле местного (даже если работает за ту же зарплату), то на юге достаточно использовать уже имеющуюся рабочую силу, организовав и переориентировав центры переподготовки с парикмахеров и визажистов на какие-то более связанные с поворотом на Восток профессии. Более того, относительно трудоизбыточный юг вполне способен поставлять сезонных рабочих в северные районы (как это происходило в 1990-е гг.). Последнее будет существенно дешевле, нежели завоз работников из других регионов или других стран. Но и это не «использует» полностью население, неспособное или нежелающее быть проводником России в мир Восточной Азии.

Здесь и возникает «во-вторых»: существенная часть населения Якутии, Магаданской области, Камчатки, да и южных регионов вполне выработала формы выживания в рамках локальных сообществ и локальной экономики. И здесь гораздо дешевле для страны, дав им максимальную свободу действий, сняв все формы административных ограничений и контроля над ними, оставить их жить так, как живут. Желаящие, активные люди Дальнего Востока включаются в глобальный проект, занимают своё место в рамках концепции региона-посредника, транзитной территории или ресурсного региона. Но и те, кто хотели бы жить, как жили, должны получить такую возможность.

Не регион, а малые предприятия, индивидуальные предприниматели, самозанятые просто «отпускаются на вольные хлеба». Понятно, что делать это необходимо крайне осторожно. Скажем, на первых порах давая возможность этой группе выбирать себе модель социальных платежей (пенсионное страхование, медицинская страховка и т.д.), постепенно расширяя сферу самостоятельного выбора, распространяя её на новые группы населения. Эти группы будут создавать социальную и досуговую инфраструктуру, без которой немыслима мировая торговля, создавать продовольственную базу территории, снижая издержки государства. Тем самым косвенно они тоже будут участвовать в проекте. Концептуализация новой значимости Дальнего Востока и, что очень важно, дальневосточников как проводников и переводчиков Азии на русский язык, создаст новую мотивацию для жителей региона, новое и мощное основание для самосознания в рамках региона и в рамках России.

Приём рыбы на причале рыбокомбината, остров Кунашир, 2018 год.

Но для реализации евразийского проекта России наличие «проводников» необходимо во всей Евразии. И здесь функцию «следопытов» фронта вполне могут выполнять жители иных «ворот» (центрально-сибирских, кавказских, монгольских, каспийских и т.д.). За постсоветские годы такие контакты и сообщества людей, вступающих в эти контакты, сформировались. Однако до настоящего времени не только не предпринималась попытка их использования в интересах страны в целом, но существовали и существуют серьёзные ограничения в отношении их деятельности. Речь идёт не столько о мифических знатоках и об академическом сообществе (хотя его роль тоже может быть значительной), но о совершенно конкретных людях, гражданах России. В СССР сибирские и дальневосточные просторы осваивали всей страной. При этом принципиальных различий между этносами не было или почти не было. Наличие понятий

«советский народ» и «советский человек» гасило эти различия. В результате на всей территории России существуют в рамках национально-культурных образований сообщества выходцев из Таджикистана и Азербайджана, Армении и Казахстана, других бывших советских республик. Это полностью натурализованные граждане России, и они могут внести свой вклад в организацию взаимодействия на пространствах Евразии. Культурная близость монголов и бурятов, а также проживание на территории Монголии большой бурятской общины может стать важным фактором, способствующим вхождению в это пространство российского бизнеса как «своего».

Ещё более весомый вклад в процесс освоения Россией Азии могли бы внести русские общины, имеющиеся сегодня не только в бывших советских республиках. За постсоветские годы русская диаспора распространилась почти на все страны Восточной Азии, включая страны ЮВА. Ещё в 1990-е гг. жители региона начали выезжать туда не только на отдых, но и для работы по длительному контракту. Первыми стали осваивать эти пространства деятели культуры и науки, преподаватели. Сегодня многие из них проживают в сопредельных странах уже не одно десятилетие. Достаточно серьёзным был поток предпринимателей (особенно в текущем столетии). Люди встраивались не только в «русский» сектор, связанный с туризмом и обслуживанием традиционных для региона поставок биоресурсов (лес, рыба), но и в местный бизнес. Круг мигрантов в страны Восточной Азии расширялся. В настоящее время русские мигрантские сообщества в Южной Корее, Китае, Таиланде, Вьетнаме и т.д. представляют собой сложные, укоренённые в местной почве социальные организмы со своим набором статусов, со своими способами выстраивания отношений с родиной. Однако серьёзная работа с ними не проводилась и, к сожалению, не проводится и сегодня. Существующие структуры (например, Россотрудничество) выполняют ограниченные культурно-просветительные функции, торгпредства пока ограниченно эффективны и управляются, как правило, чиновниками, но не людьми из бизнеса.

Большой популярностью пользуется термин «народная дипломатия». Считается, что неформальные связи, возникающие между гражданами разных стран, смогут стать дополнительной страховкой от сползания мира в катастрофу ядерной войны. Сегодня необходимость воссоздания и активизации таких структур ощущается особенно остро. В этом случае политические договорённости будут составлять рамку, внутри которой

смогут действовать сети, страхующие деловые контакты, делающие их долгосрочными и надёжными. В свою очередь, эти сети в Восточной Азии станут основой для дальнейшего политического, культурного, цивилизационного сближения России и стран макрорегиона. При этом они же при определённых организационных усилиях способны выполнить функцию фильтра, отбирая те формы сотрудничества, которые пойдут на пользу нашей стране.

Видимо, требуют реформирования, «приближения к земле» большинство существующих бизнес-ассоциаций, которые должны налаживать деловое сотрудничество России с конкретными странами Азии. Предварительный анализ показал, что большинство этих ассоциаций носят в заметной степени формальный характер. Возглавляющие многие из них крупные российские бизнесмены и общественные деятели имеют слишком много нагрузок. Видимо, такого рода ассоциации должны возглавляться прежде всего «чувствующими земледельцами», знающими конкретику Сибири и Дальнего Востока, имеющими широкий личный опыт и связи в Азии. Оптимально — это сибиряки и дальневосточники.

Конкретным и относительно легко осуществимым проектом по сближению российских центральных и восточных, а также азиатских элит и бизнеса мог бы стать условный Восточный клуб, объединяющий в российской части на 20% центральные деловые, политические и научные элиты, ориентирующиеся на Азию, на 45% — дальневосточников, на 25% — представителей других регионов Сибири. Работа клуба могла бы не только содействовать исполнительной власти, вырабатывать новую стратегию развития Сибири и Дальнего Востока, российского поворота на Восток. Основная задача — перемешивание центральных и восточных элит страны, выработка ими единой идеологии, движения в новый мир. В клуб могли бы входить представители деловых, научных и медийных элит других азиатских государств, представители русских общин в странах Азии. Клуб смог бы содействовать организации форумов и продвигать интересы российско-азиатского бизнеса внутри страны и в Азии, содействовать развитию научных культурных контактов, поддерживать некоммерческие организации, занятые в этой области. И главное — стать институциональной площадкой продвижения в России идеи выгодного стране поворота на Восток.

Весомый вклад в процесс освоения Россией Азии могли бы внести русские общины

Конкретным и относительно легко осуществимым проектом по сближению российских центральных и восточных, а также азиатских элит и бизнеса мог бы стать условный Восточный клуб

Но даже наличие «входных пространств» и круга лояльности в странах Восточной Азии и Большой Евразии не сможет полностью гарантировать успех поворота до тех пор, пока всё население страны или его большая часть не осознает, не почувствует своей причастности к этому миру, не осознает судьбу России в Азии.

Что нужно делать №2. Поворот на Восток для всей России: узнать Азию

Одной из важнейших составляющих политической нации выступает её история. Причём история не столько как форма и результат деятельности профессиональной корпорации учёных-историков, сколько как коллективная память, коллективное переживание. Безусловно, такая память и переживание должны опираться на достоверные и проверенные факты, но её роль гораздо важнее, чем просто описание прошлых событий. Именно благодаря таким коллективным переживаниям и коллективной памяти формируется самосознание, различие «свой» — «чужой», формируется принятие или непринятие «другого». Именно такие переживания совместного прошлого создают ту ткань, которая связывает индивидов в общество, позволяет им совместно жить, действовать, создавать. Сегодня понятно, что без включения в систему коллективной (общей) памяти азиатской части России поворот на Восток имеет все шансы остаться региональным проектом. Для того чтобы Россия состоялась как архитектор нового пространства Большой Евразии, необходимы достаточно серьёзные подвижки в мировоззрении, базовые постулаты и даже словарь которого сформировались в петровский «европейский» период и особенно в период постсоветского романтического европоцентризма.

Россия, безусловно, должна оставаться Россией — державой, расположенной в Европе и Азии. Многовековая обращённость России на Запад неизбежно приводила к специфическому изменению масштаба событий. Сложнейшие переплетения интересов, стычки, набеги, осады и многолетние войны неожиданно оказались «освоением пустых земель» с целью получения «мягкой рухляди и рыбьего зуба», которые выполняли в ту эпоху

роль современного экспорта нефти и газа. Шли действительно за уникальным ресурсом, на который имелся спрос на всех рынках Европы и Китая. Но шли совсем не по «пустым землям». Если о Сибирском ханстве и покорении его мы вспоминаем хотя бы в связи с Ермаком, образ которого достаточно прочно укоренился в фольклоре, то о Тюменской орде (юрте) вспоминают в лучшем случае тюменские краеведы. Как и о «златокипящей Мангазее», русском Эльдорадо XVI в. Достаточно редко за рамками специальных исследований рассказывается о крайне сложных и подчас кровавых взаимоотношениях с Джунгарским ханством.

Почти неизвестна сорокалетняя война с империей маньчжуров (Цин). И поход Ерофея Хабарова, обернувшийся столкновением с регулярными частями империи, и поход Никифора Черниговского за Амур, и фееричная оборона Албазина под руководством обрусевшего немца Афанасия Бейтона, выбранного казаками атаманом — все эти яркие исторические события остаются за рамками обычного знания российской истории. Забыты и многолетние усилия русских учёных и дипломатов Николая Гавриловича Спафария и Никиты Яковлевича Бичурина по установлению отношений с Китаем. Чего стоит одна история посланника Петра, коммерсанта Избранта Идеса — он стал первым россиянином, принятым китайским императором. Эти и многие другие значимые и драматичные события истории азиатской России не выступают пока элементами коллективной памяти народа.

Забыто, что «мягкую рухлядь» — меха, моржовую кость — русские промысловики и купцы направляли не только на Запад, но и в Китай, получая и потом перепродавая китайские товары. Именно за меха закупался чай, ставший национальным русским напитком. Вослед коммунистической исторической традиции, принижавшей всё, что было до 1917 г., забыта Русско-японская война и главное — человеческий подвиг русских инженеров, рабочих, офицеров, солдат в исторически краткие сроки построивших Транссиб, без которого Россия в современных границах, возможно, и не состоялась бы. Полузабыт и главный организатор и вдохновитель этого проекта — граф Сергей Юльевич Витте. Не возвращены в нашу коллективную и благодарную память сотни тысяч зёков Дальстроя (государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы

**Для того чтобы
Россия состоялась
как архитектор
нового пространства
Большой Евразии,
необходимы достаточно
серьёзные подвижки
в мировоззрении**

**Эти и многие
другие значимые
и драматичные события
истории азиатской
России не выступают
пока элементами
коллективной памяти
народа**

Сергей Агапов, Анатолий Горпенко, Панорама «Волочаевской битвы».

с 1931 г. — *прим. ред.*), строивших порты и дороги, добывавших золото и уран и таким образом, хоть и подневольно, защитивших страну в тяжёлые годы. В Москве поставлен масштабный монумент жертвам политических репрессий, открыт музей ГУЛАГа, сотни памятников стоят по всей стране. Но их почти нет на Дальнем Востоке. Сибирь, всё пространство от Урала до Тихого океана остаются зоной исторического молчания.

События истории Русской Азии, даже самые значительные, оказываются какими-то не вполне понятными «приграничными столкновениями». То, что эти «столкновения» длились долгие десятилетия, с битвами многотысячных армий, осадами, переговорами, чудесами благородства и подлости, остаётся за кадром. За пределами общего внимания и удивительная судьба князя Гантимура — цинского аналога русского князя Курбского, судьбы русских героев этих почти забытых битв, осад и переговоров. Даже сам уникальный Нерчинский мир — один из первых равноправных договоров Цинской империи, находившейся в зените своего могущества (эпоха Канси) — был начисто заслонён начавшимся противостоянием между царевной Софьей и царём Петром. А ведь именно этот договор позволил России стать одним из поставщиков шёлка, фарфора и пряностей для Европы, чей рынок до того был монополизирован венецианцами, португальцами и голландцами.

За пределами привычных знаний остаётся и хозяйственный расцвет Приамурья, вновь вошедшего в состав России по результатам Айгунского и Пекинского договоров, в конце XIX – начале XX вв. Это был период, прерванный гражданской войной, когда Дальний Восток по темпам развития обгонял американский Дикий Запад. Когда Сибирские и Приамурские города обретали лоск, обзаводились гигантскими «дворцами торговли», кинотеатрами, театрами, библиотеками и тому подобными атрибутами городской жизни. Когда именно здесь находились крупнейшие товарные биржи макро-региона, билось сердце хозяйственной жизни Восточной Азии. Вне русской истории остаётся и общество, столетиями жившее по принципу: «Сибирь – территория согласия». Православные христиане и католики, старообрядцы самого разного толка и мусульмане, ламаисты и язычники, как правило, находили способы действовать вместе, жить в мире и согласии.

В результате создаётся специфический образ Русской Азии как гигантской пустоты, в которой ничего не было, кроме «дикой Сибири» и немногочисленных первопроходцев, шедших по ней со своей, неведомой целью. Даже героические события относительно близкого прошлого остаются местными, региональными. Петропавловская оборона, когда горстка казаков, матросов и добровольцев из местных народов смогли отбить нападение англо-французской эскадры, решившей в 1854 г. кроме Крыма прибрать к рукам и Камчатку, является событием разве только для жителей Петропавловска-Камчатского. А ведь сложись события иначе, русских земель в районе Тихоокеанского побережья могло сегодня и не быть. Даже формирование знаменитых сибирских и дальневосточных дивизий, спасших Москву, Сталинград, остаётся за кадром массового сознания. Почти неизвестным продолжает быть тяжёлый труд моряков Тихоокеанского флота по защите восточных рубежей страны и их бытовой героизм, когда они в 1990-е гг. сохранили ключевую часть ядерного стратегического щита страны. Для большей части жителей России эта – драматическая и героическая – история присоединения Сибири, формирования и жизни Русской Азии остаётся неизвестной. Как целостное явление она достаточно робко представлена в экспозициях музеев, крайне слабо описана в учебниках. Но без этого знания Азия остаётся чужой и непонятной, а порой и враждебной.

Знание европейской истории России необходимо дополнить страницами освоения и развития Сибири. Борьбы, в которой выковывался характер сибиряка, лучшие черты русского характера: его лихость, которой так не хватает нынешней России, способность и воевать, и договариваться,

Репетиция парада Тихоокеанского флота ВМФ России, 2018 год.

и отстаивать свои интересы, и быть верным другом. Необходимо тщательное и заинтересованное описание движения русских людей «встречь солнцу». Причём не в рамках исторического цеха (такие работы есть, хотя и остаются в тени), но языком *популярной литературы*, языком *кино и телевидения*. Крайне важно включение этого материала в школьные курсы, пропаганда существующих сайтов по истории и современной жизни Сибири и Дальнего Востока, создание новых в регионах для просвещения населения по истории России в Азии. Но такое знание России о России — не только «продукт внутреннего применения». Критически важным является и трансляция образа России, Русской Азии в сопредельные страны. В настоящее время сложилась и, отчасти, продолжает сохраняться очень странная ситуация, когда образ России в Азии формируется практически без участия России. Зато активно участвуют в его формировании западные аналитические и информационные центры, незаинтересованные в успехе русского движения к Азии. В результате создаётся «кривое зеркало», серьёзно препятствующее налаживанию отношений с соседями.

Не менее важно знать культуру и языки Востока. Если знание европейской литературы, истории и культуры сегодня входит в обязательный перечень знаний образованного человека, то аналогичное знание в отношении Китая, Японии, Кореи и Индии относится к экзотическим или узкопрофессиональным компетенциям. Эта ситуация требует изменения. Трудно принять то, что неизвестно. Незнание и порождает фобии, конспирологические теории о тайной экспансии и тому подобные досужие построения.

Формой преодоления фобий и могли бы стать, к примеру, переводы классических и современных писателей Китая и Японии (ведь кроме Мураками здесь создавали и создают потрясающие тексты сотни и тысячи авторов), перевод и трансляция наиболее понятных для российского зрителя кинематографических произведений. Необходимо в разы расширить подготовку *квалифицированных востоковедов*, способных не только преподавать восточные языки, но анализировать прошлое и настоящее наших партнёров по Большой Евразии, создавать информационное пространство поворота на Восток (подготовке специалистов по Востоку будет посвящён отдельный доклад). Возможно задействование ресурса Русского географического общества (РГО) для распространения знаний об Азии, расширение функций РГО на массовое просвещение.

Необходимо и резкое расширение преподавания языков, истории и географии Азии уже в школе, переподготовка учителей, создание пособий, возможно, онлайн курсов ведущими востоковедами страны. Ведь, когда нынешние дети станут взрослыми, история мира, которая писалась до сих пор европейцами, будет выглядеть по-иному. И история Византии (Восточной Римской империи) будет выглядеть не воплощением неэффективности и интриг, как её изображали (и отобразили в нашем сознании) потомки крестоносцев, а одним из величайших достижений мировой цивилизации, сохранившей в годы провала Европы, в мрачное средневековье, европейскую культуру, соединив её с восточной. Нужны новые учебники, учебные пособия по истории Евразии, выработанные совместно с коллегами с запада и востока континента. В Азии уже выходило много азиацентричных работ. Но они могут быть такими же неадекватными, как и прошлые, европоцентричные. Российское сообщество историков могло бы сыграть совместно с восточными и западными

Необходимо тщательное и заинтересованное описание движения русских людей «встречь солнцу»

Критически важным является и трансляция образа России, Русской Азии в сопредельные страны

партнёрами важную роль в выработке нового более объективного и адекватного нарратива, видения мировой истории.

Важно и встречное движение. Не только Россия должна лучше знать Восток, но и Восток должен больше понимать Россию. Такое взаимное движение сблизит Россию и Восточную, Южную и Юго-Восточную Азию, сделает русских более понятными и близкими для жителей этих стран. В странах Евразии, даже там, где для этого существуют все условия, крайне вяло ведётся *пропаганда русского языка и культуры*. По существу, мы сегодня продолжаем «снимать пенки» с тех инвестиций в продвижение русской культуры в Азии, которые были сделаны в эпоху СССР. Нельзя сказать, что в странах Восточной Азии не изучают русскую культуру. В Китае, в Японии и Корее сохранились кафедры русистики или славистики, ведутся исследования. Однако, как было отмечено выше, здесь образ русского конструируется другими. Он далеко не всегда соответствует реальности, собственным представлениям россиян и очень часто до сих пор диктуется доминирующим в интеллектуальном пространстве Запада видением. А он ныне настроен антироссийски. Создавать механизм трансляции российского образа России — значит организовывать движение навстречу друг другу. Сегодня это можно и нужно делать. В наши дни существует острая необходимость в пропаганде роли великой русской культуры в культуре мировой. Нужны новые и квалифицированные переводы на восточные языки произведений русской классики и современной литературы, чтение лекций о России в университетах Востока, перевод русских фильмов. Особенно с учётом того, что многие из них в Азии более чем понятны. Нужна особая публицистика, объясняющая Россию Востоку. Причём это должна быть не разовая акция, но постоянная работа.

Некогда великий хан Хубилай (император Шицзу в китайских текстах), первый монгольский владыка Китая, чтобы быть ближе к ключевой части своих владений, перенёс свою ставку из Каракорума в необжитый на тот момент городок, назвав его Ханбалык (ныне Пекин). Безусловно, перенос столицы сегодня затратное предприятие. Но ситуация, когда политическое руководство России и территории её ключевых партнёров находятся на разных сторонах гигантского континента, затрудняет успешное общение. Может быть, выходом здесь будет создание третьей, *восточной* столицы в Хабаровске или Владивостоке. В Москве уже принималось решение о переносе головных офисов крупнейших корпораций, работающих в регионах. Но оно не было выполнено. Создание такой

столицы вдохнёт дополнительную энергию в Сибирь и Дальний Восток, убыстрит обновление российских элит, подстегнёт развитие зауральской России. Опыт почти всех стран, перенёсших или создавших вторые столицы, позитивен для их развития. Промежуточный вариант – создание восточной ставки/резиденции/представительств всех ключевых министерств на уровне первого заместителя министров и опять же – главных офисов крупнейших корпораций. Москвичи, участвовавшие в подготовке доклада, считают, что такой шаг был бы полезен и для разгрузки столицы.

Подведение итогов

Поворот на Восток, а России – к себе как полноценной евроазиатской державе – сложный и длительный процесс. Результат его будет виден не завтра и даже не через год. Потому и предельно важно понимание смысла этого поворота не как экономического или политического проекта, но и, повторим, как **пути России к самой себе**, возвращения домой. Это непростой путь. Но любой путь можно проделать, понимая, что именно нужно предпринять, что мы хотим получить в итоге. Попробуем суммировать те задачи, которые предстоит решать на следующем этапе поворота на Восток. При этом важно понимание, что материальная составляющая поворота не отменяется (её нужно продолжать и интенсифицировать), **но дополняется культурно-просветительским и социальными компонентами**. Транспортно-логистическая сеть с центром в России должна продолжать развиваться, охватывая постепенно весь гигантский континент, втягивая в себя всё новые ресурсные и технологические территории. Для того, чтобы проект поворота на Восток из технического, экономического и геостратегического стал политическим и цивилизационным – а значит стал успешным, – необходимо его культурно-политическое наполнение.

Сегодня необходима **реконструкция и пропаганда знаний об азиатской судьбе России** средствами научных исследований, художественными инструментами, через СМИ, интернет-ресурсы, с помощью системы образования. Восток России должен стать ближе и понятнее для всех россиян. Необходимо создание просветительских центров, чья деятельность была бы посвящена формированию коллективной памяти об азиатской части судьбы России. Нужны фильмы, телевизионные сериалы, рассказывающие

о прошлом, настоящем и будущем востока России, о его уникальной по красоте и богатстве природе. Лучший до сих пор пример — российско-японский фильм «Дерсу Узала», режиссёром которого был великий Акира Кurosава. Напрашивается фильм о путешествии популярного ныне Николая II, который будучи наследником, выбрал первым своим зарубежным путешествием не Европу, а Азию.

Совершенно **необходим качественный рост знаний об Азии**, её истории и культуре. В России должно в самое ближайшее время появиться новое и многочисленное поколение востоковедов, способных стать не только переводчиками лучших художественных и мировоззренческих трактатов, но «переводчиками» Азии на русский язык. Для этого необходимо резко активизировать подготовку востоковедов с широкой страноведческой эрудицией. Понятно, что основную нагрузку и ответственность по расширению подготовки востоковедов должны взять на себя государство, научное сообщество, профессура. Но стоит активнее использовать и структуры из азиатских стран, занимающиеся продвижением их культуры, языка: Институт Конфуция, Институт Кореи, Токийский фонд и т.д. Понятно, что эти институты, как и подобные им европейские или российское Россотрудничество, несут и пропагандистскую нагрузку. Но пока они в балансе полезны для пополнения знаний об Азии. Необходима и организация обучения и переподготовки государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов и других граждан, чьи решения влияют на реализацию поворота на Восток. (В Австралии и Новой Зеландии, например, переподготавливают часть госслужащих для работы с Китаем и другими азиатскими партнёрами.)

Не менее важна **активная пропаганда русского языка и русской культуры в Азии**, конструирование адекватного образа русских и России в глазах наших партнёров. Необходимо заново подчеркнуть роль русской культуры в мире, широту и отзывчивость характера русского народа. Для этого тоже необходима когорта квалифицированных специалистов.

Для полноценного вхождения в мир Восточной Азии требуется и **активизация личных и деловых связей россиян** в сопредельных странах, формирование человеческих сетей в этих странах. И здесь создание Восточного клуба, структура которого описывалась выше, могло бы стать формой консолидации людей, способных на эти действия, консолидации сообщества «проводников» России в мир Азии.

Не менее важно в этом плане **взаимодействие с русскими диаспорами**, на сегодня существующими во всех странах макрорегиона, с целью создания благоприятной среды для продвижения экономических и политических интересов России. Эта работа тоже могла бы быть активизирована в рамках Восточного клуба.

Желательно **создание условий для сосуществования местных (локальных) сообществ** и раскрытой на Восток общенациональной хозяйственной системы в рамках общей идеи евразийской страны. Ведь даже участники локальных хозяйственных систем, как и любые «охотники из диких земель», могут быть идеальными проводниками по этим землям. Дальневосточники уже не одно столетие интегрируются в сопредельные страны, имеют там устойчивую систему контактов, контрагентов, друзей. Можно ли отыскать лучших проводников в сообществах, где межличностные контакты намного важнее и надёжнее, чем документально зафиксированные договорённости?

Абсолютно необходимым (и легко достижимым) является **увеличение сибирского и дальневосточного контента в федеральных СМИ**. Сибирь и Дальний Восток должны постоянно присутствовать в медийном и ментальном пространстве страны и общества. Грубо говоря, если поднимается проблема свалок, то выяснять, как эту проблему решают (или не решают) на востоке страны. Если речь идёт о проблеме капитального ремонта, то необходимы новости и мнения по этому вопросу и из Сибири, и с Дальнего Востока. Идеальный сценарий: чтобы в российских медиа Колыма была рядом с Костромой, а Хабаровск и Владивосток — рядом с Санкт-Петербургом.

Особая задача — **содействие созданию аналитических и медийных комплексов общевразийского значения**, которые позволяли бы элитам и интеллектуальным классам Большой Евразии расширять интеллектуальную и информационную независимость в условиях, когда традиционные информационные каналы, ещё в значительной степени контролируемые Западом, становятся менее объективными. Через такой комплекс действий интеллектуальные классы России и других азиатских стран получили бы большие возможности вырабатывать единую линию в мировой экономике, политике, идейной сфере. Речь может идти, например, о создании под эгидой ШОС аналитическо-информационного агентства «Евразия Аналитика», которая не только объединяла бы существующие ресурсы, но и вырабатывала бы и распространяла собственный контент, условно объединяла бы функции таких проектов, как «Блумберг» и «Стратфор».

Оценивая перспективы поворота на Восток, стоит вспомнить, что задачи, стоящие перед страной и её правительством в эпоху поворота к Западу, вряд ли были легче. А перенос в начале XVIII в. центра тяжести государства на Балтийское побережье с поправкой на современные средства транспорта едва ли был проще, чем частичный перенос его на Восток. Да и необходимость его в наши дни не менее острая, чем была в эпоху Петра. Ведь это — выстраивание дороги в мир, где, хоть и не раскрывают объятий, но готовы сотрудничать, где существуют оптимальные на сегодня условия для воспроизведения политической и культурной матрицы России.

Некогда Россия отринула и заклеила азиатскую составляющую русской культуры. **Сегодня мы, сохраняя все приобретения, полученные в плодотворный европейский период своей истории, возвращаемся к себе, к своей двуединой сущности, возвращаемся домой.** И при этом не отвергаем Европу, свой европейский культурный опыт, — должны и будем привлекать наших европейских соседей, похоже, находящихся в тупике, и к участию в создании Большой Евразии, и к собственному повороту на Восток.

 ValdaiClubRu
 ValdaiClubRu
 t.me/valdaiclub
 ValdaiClub
 valdaiclubcom
valdai@valdaiclub.com